

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск 1 (27)

2026

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2522-9788

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск № 1 (27)
2026

Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 4 раза в год. ISSN 2522-9788

Форма периодического распространения: сетевое издание

Включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (№ 1612 от 30.03.2026 г.).

Включён в наукометрическую базу РИНЦ. Договор с РИНЦ № 425-07/2016 от 14.06.2016г.

Включён в электронную библиотеку и наукометрическую базу CYBERLENINKA. Договор № 33919-01 от 31 октября 2018 г.

В журнале публикуются научные статьи и материалы, освещающие философские и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет».

Редакция журнала:

Главный редактор – Т. Э. Рагозина, доктор философских наук;

Заместитель главного редактора – С. В. Дрожжина, доктор философских наук;

Ответственный секретарь – А. В. Гижа, кандидат философских наук.

Члены редакционной коллегии:

Г. В. Драч, д. филос. наук; В. П. Римский, д. филос. наук; С. П. Поцелуев, д. полит. наук; Каролус Виммер, д. полит. наук; А. И. Атоян, д. филос. наук; Т. В. Лугуценко, д. филос. наук; Андриенко Е. В., д. филос. наук; В. М. Шелюто, д. филос. наук; А. С. Армен, к. филос. наук; Б. И. Молодцов, к. филос. наук; Н. А. Басенко, к. полит. наук; С. И. Сулимов, д. филос. н.; И. В. Черниговских, к. филос. наук; М. М. Кухтин, к. полит. наук.

Адрес редакции: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ФГБОУ ВО «ДонНТУ», 3-й уч. корпус, кафедра философии. Тел.: +7-949-334-9416.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <https://ojs.donntu.ru/cic/index>

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000143 от 20.06.2017.

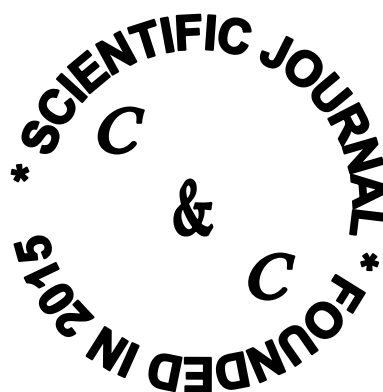
За содержание статей и их оригинальность несут ответственность авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подписано к печати по рекомендации Учёного Совета ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет». Протокол № 3 от 24.04.2026 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет»

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«DONETSK NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY»

ISSN 2522-9788

Culture

& CIVILIZATION (Donetsk)

Issue № 1 (27)
2026

Culture and Civilization (Donetsk). Scientific journal. Published since 2015. Published 4 per year. ISSN 2522-9788

Form of periodic distribution: online publication.

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 1612 dated 30.03.2026).

Included into scientific database of Russian Index of Scientific Quotations (RISQ). Contract with RISQ no 425-07/2016 dd 14.06.2016.

Included into e-library and scientific database of CYBERLENINKA. Contract with CYBERLENINKA № 33919-01 dd 31.10.18

The Journal is devoted to publishing of scientific articles and materials in the field of philosophic and political sciences' problems of cultural and civilizational development of modern society, which has entered the stage of severe crisis of its basics.

Founded and published – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National Technical University".

Editorial Board of the Journal:

Editor-in-Chief – T. E. Ragozina, Dr. of Philosophical Science;

Deputy Editor-in-Chief – S. V. Drozhzhina, Dr. of Philosophical Science;

Executive Secretary – A. V. Gizha, Candidate of Philosophical Science.

Members of the editorial board:

G.V. Drach, Dr. of Philosophical Science; V.P. Rimsky, Dr. of Philosophical Science; S.P. Potseluev, Dr. Political Science; Carolus Wimmer, Dr. Political Science; A.I. Atoyan, Dr. of Philosophical Science; T.V. Lugutsenko, Dr. of Philosophical Science; Andrienko E.V., Dr. of Philosophical Science; V.M. Sheliuto, Dr. of Philosophical Science; A.S. Armen, Candidate of Philosophical Science; B.I. Molodtsov, Candidate of Philosophical Science; N.A. Basenko, Candidate of Political Science; S.I. Sulimov, Dr. of Philosophical Science; I.V. Chernigovskikh, Candidate of Philosophical Science; M.M. Kukhtin, Candidate of Political Science.

Editorial office's address: Donetsk People's Republic, 83001, Donetsk, Artema str., 96, Donetsk National Technical University, 3rd Campus, Philosophy Chair. Tel.: +7-949-334-9416.

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <https://ojs.donntu.ru/cic/index>

The journal is registered by Ministry of Information of Donetsk People's Republic.

The Certificate on registration of mass media № 000143 dd 20.06.2017

Contents and originality of the articles are of the authors' responsibility. The editors' opinion may differ from that of the authors'.

7Signed to publishing according to recommendation of the Scientific Board of «Donetsk National Technical University». Protocol № 3 dd 24.04.2026.

**КУЛЬТУРА
И
ЦИВИЛИЗАЦИЯ**
(Донецк)

Научный журнал
Основан в 2015 году
Выходит 4 раза в году
№ 1 (27) / 2026
ISSN 2522-9788

СОДЕРЖАНИЕ

Ф и л о с о ф и я		
Рагозина Т. Э.	Фашизм как «болезнь социального организма» эпохи господства капитала	7
Черниговских И. В.	Эволюция и современные формы европейского неофашизма: факторы возрождения и общественно-политические угрозы	19
Гижа А. В.	Социальная реальность сквозь призму идеологической «видимости»	28
Мишечкин Г. В., Ковалёва И. И.	Проблема происхождения и сущности нацизма	37
Овсяникова Д. Д.	К вопросу об идеологическом измерении понятия «историческая память»	46
П о л и т и ч е с к и е н а у к и		
Шевченко О. М., Штофер Л. Л.	Идеология как фактор стабильности и безопасности государства	55
Ширкова И. В.	Современные вызовы политизации религии	63
Т е о р и я и и с т о р и я к у л ь т у р ы , и с к у с с т в а		
Черных В. Д.	Особенности жизни и социального положения ранне-христианской общины Палестины	69
Приложения	Требования к оформлению статей	75

CULTURE & CIVILIZATION

(Donetsk)

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 per year

No. 1 (27) / 2026

ISSN 2522-9788

RESEARCH

Philosophy		
Ragozina T. E.	Fascism as a "disease of the social organism" in the era of capital domination	7
Chernigovskikh I. V.	Evolution and modern forms of European Neo-Fascism: factors of revival and socio-political threats	19
Gizha A. V.	Social reality through the prism of ideological "visibility" ...	28
Mishechkin G. V. Kovaleva I. I.	The problem of the origin and essence of Nazism	37
Ovsyanikova D. D.	On the ideological dimension of the concept of "historical memory"	46
Political sciences		
Shevchenko O. M., Shtofer L. L.	Ideology as a factor of state stability and security	55
Shirkova I. V.	Modern challenges of politicization of religion	63
Theory and history of culture, art		
Chernykh V. D.	Features of the life and social status of the Russian Academy of Sciences, a non-Christian community in Palestine	69
Annexes	Requirements for the design of articles	75

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(доктор философских наук, доцент)
Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ФАШИЗМ КАК «БОЛЕЗНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОРГАНИЗМА» ЭПОХИ ГОСПОДСТВА КАПИТАЛА

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме происхождения и сущности феномена фашизма как закономерного порождения капитализма, которое с полным основанием может быть квалифицировано как «болезнь социального организма». Опираясь на марксистскую методологию анализа общественных процессов, автор утверждает, что глубинной причиной возникновения феномена фашизма в Европе первой трети XX века является не сама по себе «диктатура финансового капитала», а буржуазные производственные отношения, образующие основание и сущность всей общественной системы в целом.*

***Ключевые слова:** фашизм как обнаружение сущности капитализма, буржуазное государство, дегуманизация человека и общества, фашизм как способ сохранения классового господства капитала.*

T. E. Ragozina

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

FASCISM AS A "DISEASE OF THE SOCIAL ORGANISM" THE ERA OF THE DOMINANCE OF CAPITAL

***Abstract.** The article is devoted to the problem of the origin and essence of the phenomenon of fascism as a natural product of capitalism, which can justifiably be qualified as a "disease of the social organism." Based on the Marxist methodology of analyzing social processes, the author argues that the underlying cause of the phenomenon of fascism in Europe in the first third of the twentieth century is not the "dictatorship of financial capital" itself, but bourgeois industrial relations, which form the basis and essence of the entire social system as a whole.*

***Keywords:** fascism as the discovery of the essence of capitalism, the bourgeois state, the dehumanization of man and society, fascism as a way to preserve the class rule of capital.*

Современная эпоха всё настойчивее демонстрирует нам зловещие признаки, свидетельствующие о ренессансе фашизма. Однако, при всей важности исследования многообразных признаков и современных форм фашизма, сегодня как никогда оказывается актуален анализ не столько самих по себе множущихся разновидностей фашизма, сколько понимание их *всеобщей сущности* – сущности феномена фашизма как такового. Это ставит в повестку дня необходимость более глубокого исследования связи фашизма с тем общественным строем, в рамках которого он

возникает и который по самой своей изначальной сущности является абсолютно враждебным человеку, обществу и культуре. Имя этому общественному строю – *капитализм*.

Заявивший о себе самым бесчеловечным образом в первой трети XX века, феномен фашизма сразу привлёк к себе внимание большого количества исследователей и общественных деятелей, породив среди них соответствующее представление о себе как о продукте исключительно эпохи империализма. С тех пор среди исследователей, занимающихся темой фашизма, классическим определением фашизма принято считать определение, представленное на VII Конгрессе Коминтерна Георгием Димитровым¹ (1935 г.). Согласно этому определению, «Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов» [1].

И хотя политика и практика фашизма XX в. действительно теснейшим образом были связаны с империалистической стадией развития капитализма, для которой характерна упомянутая выше «...диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала...» [1], тем не менее наличные формы фашизма, как те, что существовали в XX в., так и многообразные их модификации в XXI веке, всё же являются закономерным порождением не самого по себе финансового капитала, а результатом и следствием *всеобщей сущности капитализма как такового*.

Поэтому, несмотря на общепризнанность и распространённость данного определения, мы склонны считать, что оно носит односторонний характер, поскольку своим содержанием выражает не столько *сущность* феномена фашизма, сколько фиксирует *частные и особенные признаки конкретных форм обнаружения фашизма*, которые даны обыденному сознанию на поверхности событий, но при этом всё же не фиксируют подлинную *причину*, с необходимостью порождающую данное явление.

Чем же чревато подобное одностороннее понимание причин фашизации общества на современном этапе? Прежде всего тем, что оно порождает иллюзию, согласно которой во всём виноват один финансовый капитал и, более того – отдельные, «наиболее реакционные его элементы», образовавшие паразитический нарост

¹ Как известно, автором данного определения был не Георгий Димитров; он лишь взял его на вооружение и воспроизвёл два года спустя после того, как Отто Куусинен впервые озвучил его, выступая с докладом на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала (1933 г.). Однако, поскольку Конгресс Коминтерна – мероприятие более широкое и массовое по своему представительству, чем Исполком, поэтому многими участниками Конгресса авторство данного определения оказалось связано с именем Г. Димитрова. Не исключено, что данное определение фашизма, скорее всего, вообще является плодом коллективного творчества всех или нескольких членов Исполкома Коминтерна.

над реальным сектором экономики и опутавшие его паутиной своих непосильных процентных ставок; иллюзию, согласно которой стóит лишь законодательно приструнить представителей финансового капитала, заставив их поумерить свои аппетиты и притязания, – и проблема фашизма как «власти самогó финансового капитала», как «...организации террористической расправы с рабочим классом...» будет решена. Ничуть не бывало!

Иными словами, опасность подобной иллюзии заключается в том, что она невольно уводит общественное сознание от констатации действительной причины и понимания необходимости коренного изменения самих системных основ общества – буржуазных производственных отношений в целом (и соответствующих им форм буржуазной собственности), направляя энергию масс в другое русло: в русло сведения остроты социально-классового антагонизма до уровня частного конфликта с финансовым сектором и, соответственно, частичного реформирования всего лишь одной из общественных сфер. Но в том-то всё и дело, что, оставив неизблемыми *формы собственности*, юридически закрепляющие существующие *производственные отношения*, невозможно решить проблему диктатуры финансового капитала, ибо он сам является закономерным и неизбежным порождением всё той же бесчеловечной сущности капитализма как такового – капитализма как *формы общественного устройства*, которая, если её не упразднить, будет с железной необходимостью вновь и вновь порождать оба социальных явления: *и монополизм финансовых корпораций* как самых паразитических и хищнических форм капитала, *и фашизм как политику буржуазных государств*.

Принимая во внимание сказанное, при рассмотрении вопроса о происхождении и сущности фашизма необходимо поэтому учитывать следующее. Как и во всяком процессе развития, в особенности когда речь идёт о такой сложной саморазвивающейся системе как общество, причиной появления всякой новой социальной формы, возникающей в рамках данной общественной системы, является отнюдь не событие или ряд событий и факторов, исторически непосредственно предшествующих этой форме, а такое *отношение* системы, которое образует её фундамент – само *основание* данной системы, которое, будучи *носителем всеобщего системного качества – исходного противоречия системы*, является в силу этого *источником саморазвития* данной системы и, следовательно – *действительной всеобщей причиной* возникновения всех без исключения новых формообразований данной системы². – Такова марксистская методология анализа общественных процессов.

Отталкиваясь от этой методологии, мы утверждаем следующее: действительной причиной возникновения фашизма как социального феномена, который вос-

² Эти формообразования, согласно научному словарю К. Маркса, получили в марксизме название *форм превращённых*, то есть – форм, *производных от исходной, субстанциальной формы* существования всей системы, каковой в данном случае выступают *буржуазные производственные отношения*. По общим вопросам марксистской теории и методологии анализа исторических процессов мы можем порекомендовать 1-ю главу монографии В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса» [2], а также блестящую монографию Г. В. Старк «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости Карла Маркса»» [6].

производится с завидным постоянством в качестве всеобщей устойчивой формы политики и практики *всех развитых капиталистических государств*, являются не события и факторы, исторически непосредственно предшествовавшие фашистским режимам в Европе первой трети XX века в виде «диктатуры финансового капитала», а факторы, составляющие *само основание* данной системы – буржуазные *производственные отношения*, юридически возведённые в *норму*, в *закон* функционирования всех без исключения сфер капиталистического общества. *Финансовый же капитал*, в силу того что он изначально не есть нечто возникшее самостоятельно и существующее автономно от системы буржуазных производственных отношений, хотя и оказывается ближайшим историческим фактором, непосредственно предшествующим *фашизму* первой трети XX века, всё же *не является* его подлинной причиной.

Исходя из этого, мы считаем необходимым сказать следующее: относясь к определению фашизма Георгия Димитрова/Отто Куусинена не как к догме, а как к одному из важных теоретических результатов, полученных на сравнительно раннем этапе осмысления этого феномена, отдавая дань уважения указанным деятелям Коминтерна и их соратникам, тем не менее считаем необходимым внести некоторые коррективы и дополнения, касающиеся происхождения и сущности фашизма.

Фашизм – это *враждебная человеку сущность капитализма*, которая реализуется в предельно жёстких, радикальных формах политики и практики буржуазного государства, находящегося в монопольном владении у крупного капитала; это *изначально свойственная капитализму его бесчеловечная сущность*, когда труд оказывается вынужденным «...создавать чужую собственность, а собственность – распоряжаться чужим трудом» (К. Маркс) [3, с. 184];

Фашизм – это политика и практика буржуазного государства, возникающая в период острых экономических кризисов, посредством которой реализуется власть крупного капитала, направленная на *предельное ужесточение эксплуатации* трудящихся посредством законодательно утверждённых норм, предусматривающих жёсткие санкции вплоть до форм физического принуждения, репрессий и расправ.

Фашизм – это диктатура всего крупного капитала, который использует государство как инструмент реализации *абсолютного права власть имущих добиваться подчинения себе силой* в том числе за счёт установления *тотального контроля* во всех областях жизни общества за деятельностью социальных групп и классов с целью *удержания и продления своего господства любой ценой*: ценой террористических расправ с революционной частью общества, ценой развязывания грабительских войн и территориальных захватов, ценой установления системы колониальной зависимости одних стран и народов от других.

При всей внешней многоликости феномена фашизма, нельзя не видеть, что именно капиталистический способ производства как таковой является самой глубокой, всеобщей основой фашизма, а значит – и его действительной, подлинной причиной, порождающей многообразие всех наличных конкретно-исторических форм его существования; именно эта исходная для капитализма социальная основа – система буржуазных производственных отношений, приводимая в действие законом производства прибавочной стоимости, – именно она, а не сам по себе финансовый капитал, есть та *социальная сила*, которая с неизбежностью порождает *фа-*

иизм. Исторически фашизм зарождался и созрел вместе с капитализмом как необходимый фермент его социального метаболизма, который был свойственен капитализму изначально, но который определённое время находился в *состоянии инкубационного периода*. Свои зрелые формы, обнаруживающиеся в конкретной политике, практике и идеологии буржуазных государств, фашизм обретает *не сразу*, а в соответствии с историческими фазами зрелости самого капитализма.

Поэтому в связи с проблемой актуализации современных процессов фашизации общественной жизни, происходящих весьма интенсивно в том числе и в рамках российской действительности, будет вполне оправданно внимательно присмотримся к более ранним формам фашизации капиталистического общества, которые обнаружили свой бесчеловечный характер в качестве устойчивой тенденции развития задолго до стадии империализма и задолго до появления термина «фашизм»³. И в этом нам поможет одно из самых ранних произведений марксизма – работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которая была написана Энгельсом в сентябре 1844 – марте 1845 г. и которую Ленин относил к лучшим произведениям мировой социалистической литературы⁴.

С самого начала сошлёмся на свидетельство Энгельса о том, что положение английского рабочего класса он «...изучал в течение двадцати одного месяца путём собственных наблюдений и по официальным и другим достоверным отчётам» [7, с. 513], что в итоге позволило ему сделать ряд выводов принципиального характера. Исследуя экономический и политический строй Англии 40-х годов XIX века, Энгельс на примере этой страны, наиболее развитой на тот период в промышленном отношении по сравнению с другими европейскими странами, выявляет целый ряд закономерностей развития капиталистического общества, которые спустя 100 лет с поразительной схожестью (хотя и в значительно бóльших масштабах) заявят о себе в эпоху установления фашистских режимов не только в гитлеровской Германии 30-40-х годов XX века, но и в других странах, став убедительным подтверждением истинности методологического кредо, которое К. Маркс сформулировал в «Капитале»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [4, с. 9]. Через призму этого методологического кредо мы и будем оценивать те закономерности английского капитализма, которые выявил Ф. Энгельс, сравнивая их с процессами первой трети XX века.

³ Думать, что *фашизм* как социальное явление впервые возник примерно тогда же, когда появился *термин*, его обозначающий, и когда возникли первые теоретические попытки осмысления его наличных форм существования (первая треть XX в.), это всё равно, что считать, будто *классы* и *классовая борьба* тоже зародились и возникли никак не раньше, а только в начале XIX в. – когда французские «историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера» впервые детально исследовав факт борьбы классов, стали «постоянно указывать на него как на ключ к пониманию французской истории» [8, с. 308].

⁴ Что же касается К. Маркса, то он, излагая в «Предисловии к критике политической экономии» суть своего материалистического понимания истории, оценивает эту работу Энгельса как такую, в которой «Фридрих Энгельс <...> пришёл другим путём к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»)» [5, с. 8].

Так, анализируя бесчеловечные формы наёмного рабства, Энгельс фиксирует неизбежность появления при капитализме периодически повторяющихся *экономических кризисов*, которые, по мере расширения капиталистического производства, с одной стороны, неизбежно ведут к появлению «*избыточного населения*» Англии» в виде «резервной армии, в эпохи кризисов возрастающей неимоверно» [7, с. 320], а с другой стороны – к *усилению и ужесточению форм эксплуатации* рабочего класса, которые фактически сразу получают *законодательное закрепление*, обретая статус *официальной политики*. В итоге условия жизни и работы, в которых оказываются английские городские рабочие и безработные, равно как и отношение к ним властей, дают Энгельсу полное право предъявить английской буржуазии обвинение в преступлении против человечности, которое он называет «*преднамеренным социальным убийством*».

Вот эта удивительная по своей интеллектуальной и нравственной силе обвинительная речь Энгельса, которую, за исключением нескольких отдельных фрагментов, мы вынуждены привести полностью: «Если один человек наносит другому физический вред, ...который влечёт за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие *предумышленным убийством*. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить *не могут*; если оно *сильной рукой закона* удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и всё же этих условий не устраняет, – это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершённое отдельным лицом <...> И я попытаюсь доказать, что английское общество ежедневно и ежечасно совершает нечто, с полным правом называемое на страницах английской рабочей печати *социальным убийством* <...> Далее я докажу, <...> что общество *знает*, каковы последствия установленного им порядка, что, следовательно, его образ действий является не просто убийством, а *убийством предумышленным*, я это доказываю хотя бы тем, что для установления самого факта убийства использую официальные документы, правительственные и парламентские отчёты» [7, с. 329-330].

Говоря об английской буржуазии, которая прекрасно осведомлена об ужасающем положении рабочего класса, которая ежедневно читает обо всём этом в газетах, но которая ничего не предпринимает для устранения этого положения, ибо всё это продиктовано её собственными экономическими интересами, Энгельс совершенно обоснованно утверждает, что именно поэтому буржуазия даже «...не вправе протестовать, если, на основании всех приведённых мной официальных и неофициальных свидетельств, которые *не могут* не быть ей известны, я предъявлю ей *обвинение в социальном убийстве*» [7, с. 343].

Преднамеренное массовое *социальное убийство* – этот характерный симптом будущего фашизма XX столетия, который получит название *геноцида*, – у Энгельса вовсе не метафора и не «фигура речи». Чего только стоит, например, узаконенная практика захоронения бедняков, описание которой Энгельс даёт в своей работе: «С

мёртвыми обращаются не лучше, чем с живыми. Бедняка закапывают ... как издохшую скотину. Кладбище *Сент-Брайдс*, в Лондоне, где хоронят бедняков, представляет собой голое, болотистое место ... усеянное кучами костей. Каждую среду умерших за неделю бедняков бросают в яму в 14 футов глубиной, поп торопливо бормочет свои молитвы, яма слегка засыпается землёй, чтобы в ближайшую среду её можно было опять разрыть и бросить туда новых покойников, и так до тех пор, пока яма не наполнится до отказа» [7, с. 511].

Как видим, ситуация в Англии середины XIX столетия, описанная Энгельсом и воссоздающая абсолютно бесчеловечный облик английского общества периода зрелого капитализма, мало чем отличается от эпохи империализма, от ситуации 40-х годов XX века в гитлеровской Германии, когда тракторами и бульдозерами сваливали в огромные ямы сотни скелетов людей, замученных в концлагерях от непосильного труда и голода. Правда, в Англии середины XIX века ещё не было такого «прогресса» в виде техники (тракторов и бульдозеров) и это, пожалуй, одно из отличий, да ещё то обстоятельство, что массовому «преднамеренному социальному убийству» в Англии XIX века подвергалось пока преимущественно своё собственное, внутреннее население страны, а не военнопленные и мирные граждане других стран, угнанные в *трудовые лагеря*. Сомнительный «прогресс», который был достигнут эпохой империализма, заключался в том, что все эти бесчеловечные формы эксплуатации человеческого труда и антигуманные отношения к человеческой личности, характерные для Англии середины XIX века, в начале XX века уже *перерастут* рамки отдельных национальных государств и обретут статус также и международной практики. Однако *суть* подобных явлений останется той же самой: звериный облик фашизма в обоих случаях будет не чем иным, как закономерным осуществлением и проявлением *враждебной человеку сущности капитализма*.

Энгельс, будучи одним из первых прогрессивных мыслителей XIX века, кто, столкнувшись с противоречиями зрелого английского капитализма, делает их предметом всестороннего изучения, благодаря чему ему удаётся уже тогда воссоздать всю полноту ужасающей социальной картины общества, основанного на эксплуатации рабочей силы, лишённой всего, в том числе и человеческого достоинства. И его уже тогда потрясает глубина *безнравственного отношения* буржуазии к рабочему классу как к скоту, который достоин только *кнута*: «...рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это *закон*; как будто они неразумные животные, к ним применяют только одно воспитательное средство – *кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу*» [7, с. 347]. Спустя несколько десятков лет в период очередного мирового экономического кризиса сразу в нескольких европейских странах *закон* как *устрашающая сила* снова явит себя в соответствующей политике и практике правящих классов, но только уже не в образе *кнута*, а в образе *fasces* (фасции, фашины)⁵.

⁵ Латинское слово *fasces* (фасция, фашина) – пучок, связка перетянутых верёвкой или ремнём прутьев, из которых выступал топор. Фасцию впереди (или сзади) императора нёс ликтор – верховный судья и одновременно палач в Древнем Риме. Она символизировала

В XIX веке таким *кнутом* в буквальном смысле слова был новый закон о бедных, содержание которого Энгельс подвергает критическому анализу, детально демонстрируя всю чудовищность последствий его применения в *рабочих домах* Англии, которые по бесчеловечности действовавших в них внутренних режимов и распорядков подчас превосходили обычные тюрьмы: «...закон по существу дела рассматривает бедняков как преступников, рабочие дома – как исправительные тюрьмы, обитателей их – как людей, стоящих вне закона, вне человечества, как воплощение всякой скверны <...> Приведу здесь несколько примеров» [7, с. 508].

Мы не будем воспроизводить все многочисленные обвинительные факты вопиющего, абсолютно бесчеловечного отношения властей Англии к пролетариям и беднякам, которые приводит Ф. Энгельс. Остановимся лишь на некоторых: «В рабочем доме в *Гринвиче* летом 1843 г. пятилетний мальчик в наказание за какой-то проступок был заперт на три ночи в мертвецкую, где ему пришлось спать на крышке гроба. – В рабочем доме в *Херне* то же самое проделали с маленькой девочкой ...; этот способ наказания, по-видимому, вообще является здесь излюбленным. Этот рабочий дом ... отличается, между прочим, и тем, что все окна в нём выходят во внутренний двор и только недавно было пробито два окна, позволяющие его обитателям взглянуть на внешний мир. Журналист, описавший это в «*Illuminated Magazine*», заканчивает свою статью следующими словами: «Если господь бог наказывает человека за преступление так, как человек наказывает человека за бедность, то горе потомкам Адама!» [7, с. 508].

Без нравственного содрогания читать сцены насилия над человеческой личностью, описанные Энгельсом и ставшие обвинительным актом капитализму, просто невозможно (некоторые из них даны ниже в сноске) ⁶.

Принципиально важный момент, на который вслед за Энгельсом мы считаем необходимым обратить особое внимание, заключается в следующем: все регулярно

абсолютное право власть имущих добиваться подчинения себе силой с помощью *карающего закона*.

⁶ «В рабочем доме в *Бирмингеме* происходили такие позорные вещи, что в декабре 1843 г. туда, наконец, был послан чиновник для расследования дела. Он установил, что четверо *trampers* ... были заперты совершенно раздетыми в карцер (*blackhole*) под лестницей; их здесь продержали 8-10 дней, часто голодными, не давая им ничего есть до середины дня – и это в самое суровое время года. Один маленький мальчик подвергся всем видам заключения в этом доме: сначала он сидел в сводчатой сырой и тесной кладовой, затем два раза в карцере, причём во второй раз он оставался в нём три дня и три ночи; затем он столько же времени просидел в старом карцере, ещё худшем, чем первый, и наконец в специальной ночлежке для бродячих безработных ... с дощатыми нарами, в которой чиновник при ревизии застал ещё двух оборванных, скорчившихся от холода мальчиков, находившихся там уже четыре дня» [7, с. 509].

Или вот другой пример: «В рабочем доме в *Бетнал-Грине*, в Лондоне, женщину, находившуюся на шестом месяце беременности, не допустили во внутреннее помещение и заперли её вместе с ребёнком, которому не было ещё двух лет, в приёмной, где она оставалась с 28 февраля до 20 марта 1844 г. без кровати и каких-либо приспособлений для удовлетворения естественных нужд. Муж её тоже был приведён в рабочий дом, и когда он попросил освободить его жену из заточения, то был за эту дерзость посажен на 24 часа в карцер на хлеб и воду» [7, с. 510].

происходящие в *периоды кризисов* и всякий раз законодательно закрепляемые ужесточения эксплуатации подневольного труда пролетариев, обречённых английской действительностью на чудовищные условия жизни в трущобах больших городов, атмосфера которых напоминает картины ада, равно как и все преступные применения закона о бедных в английских *рабочих домах*, – всё это, конечно же, вне всяких сомнений тоже было формами «...террористической расправы с рабочим классом...», только формами исторически более ранними. Но при этом Энгельсу совершенно очевидно, что всё это является следствием деятельности и интересов отнюдь не каких-то отдельных, «...наиболее реакционных ... элементов финансового капитала»⁷, а результатом реализации *всем классом буржуазии в целом* своих экономических интересов: «В этом государственном мероприятии английская буржуазия выступает *in corpore*, как власть имущая, и ясно показывает, <...> что это мероприятие исходит не от одной какой-нибудь группы буржуазии, а получило одобрение всего класса. <...> Либеральное большинство издало этот закон, консервативное большинство его подтвердило, а благородные лорды оба раза дали на него своё «согласие». Так пролетариат был объявлен вне государства и вне общества; так открыто было провозглашено, что пролетарий – не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески» [7, с. 512-513].

Как видим, наличие *института парламентаризма* ни тогда, ни сегодня не служило и не служит гарантией невозможности принятия антигуманных законов, освящающих политику и практику ужесточения классового гнёта вплоть до открытого террора по отношению к трудящимся. Скорее наоборот: английское государство в целом со всеми его политическими институтами уже тогда выступало эффективным инструментом именно такой идеологии, политики и практики, в которых получала реализацию *враждебная человеку фашистская сущность капитализма*. Принятие подобных законов стало показателем того, что инкубационный период социальной болезни под названием *фашизм* закончился и что ему на смену пришли первые *наличные формы* его существования, беспристрастно зафиксированные Энгельсом посредством анализа социально-экономической и политической действительности Англии – пусть пока и без использования специального термина («фашизм») и пока только в масштабах отдельно взятого национального государства.

Характерно, что эта враждебная человеку природа капитализма, на поверхности общественных процессов обнаруживающая себя в феномене фашизма, предстаёт сразу в трёх ипостасях – как некая триединая сущность: 1) экономические интересы класса буржуазии закономерно и повсеместно порождают практику постоянного неограниченного *ужесточения эксплуатации труда* фабричных рабочих; практику *рабочих домов* с их террористическим режимом пыток и наказаний людей, вытолкнутых капитализмом на самое дно социальной жизни; практику бесчеловечных условий не только жизни, но и смерти бедняков, – практику, 2) юридически узаконенную представителями всех политических партий английской буржуазии и ставшую тем самым официально осуществляемой буржуазным государством *политикой расправы с пролетариатом* – *политикой преднамеренно осу-*

⁷ Меж тем, финансовый капитал уже тогда был вполне зрелым и влиятельным фактором английской экономики и всей буржуазной действительности.

ществляемого социального убийства, которая 3) получает своё оправдание в открыто освящённой принятыми законами идеологии буржуазии как господствующего класса, согласно которой «...пролетарий – не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески» [7, с. 513].

Итак, фашизм как социальный феномен возникает значительно раньше, чем появляется соответствующий термин, его обозначающий. Первоначально начавший формироваться в рамках национальных государств и (на примере Англии) заявивший о себе совершенно очевидным образом ещё в канун разразившегося в Европе первого в истории капитализма мирового экономического кризиса 1857-1858 гг., который охватил все крупные европейские страны и США, феномен фашизма через каких-то несколько десятилетий в период очередного мирового экономического кризиса начала XX века, станет «достоянием» уже нескольких европейских государств.

При этом более зрелые исторические формы фашизма продемонстрируют миру, что и на высшей стадии существования капитализма, получившей название империализма, несмотря на то, что к этому времени капитализм и его детище – фашизм – уже преодолеют рамки национальных государств, тем не менее и на этой стадии преступления империализма против человечества в виде массового геноцида с его теориями нацизма, расизма, шовинизма, и проч., будут иметь принципиально ту же социально-классовую, экономическую природу, что и процессы дегуманизации человека и общества середины XIX ст. Эта изначальная сущность капиталистического способа производства, обнаруживающая себя в соответствующей идеологии, политике и практике теперь уже империалистических государств, а не сам по себе финансовый капитал, и есть подлинная причина, источник и механизм, с неизбежностью порождающий новые, более агрессивные и бесчеловечные формы фашизма, которые становятся реальностью также и наших дней.

Нам нечего к этому добавить, кроме того, что *работные дома* Англии и созданный буржуазией для устрашения социальных низов *кнут закона о бедных*, освящающий проклятье принудительно-исправительного труда пролетариев, ставшего наказанием за их бедность; проклятье, сопровождаемое пытками и бесчеловечным отношением, – это прообраз будущих *трудовых концлагерей*; это не что иное, как картина ближайшего фашистского будущего европейских стран, которую демонстрирует Англия как самая передовая в промышленном отношении страна на тот момент. Вряд ли можно отрицать, что повсеместная практика создания *работных домов* во всех больших городах Англии – это хотя и исторически более ранняя, но тоже «...организация террористической расправы с рабочим классом...», о которой повествует один из фрагментов определения фашизма Димитрова/Куусинена, только происходит эта «расправа» почти на сто лет раньше и порождена не отдельными, «наиболее реакционными элементами финансового капитала», а является следствием консолидации всего класса буржуазии на основе общности экономических интересов, солидарно представленных в законе о бедных, ставшим своеобразным устрашающим *кнутом*, на смену которому в XX в. придёт устрашающая *fasces* Б. Муссолини.

Эта политика и практика фашизации общественной жизни, первоначально складывавшаяся в английском обществе отчасти стихийно, но почти сразу полу-

чавшая законодательное закрепление, спустя каких-то 85 лет в новых исторических условиях будет уже осознанно артикулирована и реализована политическими силами сразу в нескольких европейских странах: равным счётом то же самое, что проделывали с народом Англии благородные лорды вместе с либералами и консерваторами, принимая всё более жёсткие поправки к *закону о бедных* (Poor-Law-Amendment-Bill), открыто провозгласит в качестве политического идеала Б. Муссолини. Только у Муссолини, как уже было сказано выше, в качестве образа, символизирующего идеальное средство наведения порядка в обществе, место *кнута* займёт *fasces* (фасция, фашина) – символ, который в 1921 составит идейную основу национальной радикальной политической партии Б. Муссолини – «Partito Nazionale Fascista»; партии, которая, понимая всю необходимость возрастающего в кризисные периоды ужесточения эксплуатации трудящихся, во избежание социального взрыва и предотвращения революции изберёт ещё такое эффективное средство обеспечения общественного порядка, как *тотальный контроль всех областей жизни общества*.

Нечто схожее (с разными вариациями) произойдёт в Венгрии 1920-1944 гг., в нацистской Германии во время правления Гитлера 1933-1945 гг., в Испании 1939-1975 гг. и позже в целом ряде других стран, в которых таким образом будет реализовано *абсолютное право власть имущих добиваться подчинения себе силой с целью удержания и продления своего господства*.

Как видим, английская практика фашизации общества лишь несколько опередила соответствующую политику, практику и идеологию европейских стран. К слову сказать, Российская Империя начала XX века – не исключение. Российская действительность, достигшая к этому времени определённой степени зрелости капитализма и потому уже всюду сотрясаемая социально-классовыми антагонизмами, на примере Ленского расстрела в 1912 г. мирных рабочих, выдвинувших требование 8-часового рабочего дня, в результате чего 270 человек было убито и 250 ранено; на примере регулярных черносотенных погромов; на примере расправ над революционной частью интеллигенции посредством ссылок и тюрем, – российская действительность уже тогда (как, впрочем и сейчас) демонстрировала, что она развивается отнюдь не в соответствии с каким-то *«особым русским цивилизационным кодом»*, а в полном соответствии со *всеобщими законами капиталистической формации*.

Именно эти бесспорные факты истории демонстрируют великую истину марксизма, которую в данном случае не грех повторить ещё раз: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего» [4, с. 9]. Первопроходцем, показавшим другим европейским странам картину их ближайшего фашистского будущего, была Англия... Прямо скажем, сомнительная в нравственном отношении историческая пальма первенства!

Правда, положительным итогом рассмотренного выше процесса развития английского капитализма было то, что в Англии раньше, чем в других странах впервые была обнаружена и диагностирована опасная для человечества болезнь: «Болезнь социального организма, которая, - согласно оценке Ф. Энгельса, - получила

...острую форму и тем самым раскрылись её истинная сущность и способ её излечения» [7, с. 354].

Поскольку истинная сущность такой болезни социального организма, как *фашизм*, заключается в том, что он есть *бесчеловечная форма осуществления господства капитализма*, постольку способом её излечения может быть только *с о ц и а л и з м!*

Библиографический список:

1. Димитров Г. Доклад на VII Конгрессе Коминтерна / Димитров Г. <https://rkrp.rus/2019/09/26/определение-фашизма-в-докладе-г-димит/>
2. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса // В. П. Кузьмин. - 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1980. – 312 с.
3. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1968. – Т. 46. Ч. I. – 559 с.
4. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М., 1960. – Т. 23. – 907 с.
5. Маркс К. К критике политической экономии / К. Маркс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1959. – Т. 13. – С. 1-167.
6. Старк Г. В. «Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости Карла Маркса»»
7. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 2. – С. 231-517.
8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. 2-е. – М., 1955. – Т. 2. – С. 269-317.

References:

1. Dimitrov G. Doklad na VII Kongresse Kominterna / Dimitrov G. <https://rkrp.rus/2019/09/26/определение-fashizma-v-doklade-g-dimit/>
2. Kuz`min V. P. Princip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa // V. P. Kuz`min. - 2-e izd. – Moskva: Politizdat, 1980. – 312 s.
3. Marks, K. E`konomicheskie rukopisi 1857-1859 godov (Pervonachal`ny`j variant «Kapitala») / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1968. – T. 46. Ch. I. – 559 s.
4. Marks K. Kapital / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. - Izd. 2-e. – M., 1960. – T. 23. – 907 s.
5. Marks K. K kritike politicheskoy e`konomii / K. Marks // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1959. – T. 13. – S. 1-167.
6. Stark G. V. «Sociologicheskij analiz poznavatel`nogo processa v «Teo-riyah pribavochnoj stoimosti Karla Marksa»»
7. E`ngel`s F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 2. – S. 231-517.
8. E`ngel`s F. Lyudvig Fejerbax i konecz klassicheskoy nemeczkoj filosofii / F. E`ngel`s // Soch. / K. Marks, F. E`ngel`s. – Izd. 2-e. – M., 1955. – T. 2. – S. 269-317.

УДК 321.64:172.15(4)

И. В. Черниговских

(кандидат философских наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, РФ)

ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО НЕОФАШИЗМА: ФАКТОРЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

***Аннотация.** В статье исследуется феномен возрождения и трансформации фашистской идеологии в странах Западной Европы в конце XX – первой трети XXI века. На основе теоретических подходов В. Э. Багдасаряна, С. С. Сулакишина и исторических определений Коминтерна автором выделяются сущностные черты современного фашизма. Анализируются два основных этапа эволюции неофашизма после Второй мировой войны, а также комплекс объективных и субъективных факторов (демографических, политических, экономических), способствующих его активизации. Особое внимание уделяется классификации форм проявления неофашизма на уровне идеологии («цивилизационный фашизм», парламентский популизм) и политической практики (руссофобия, ревизионизм истории). Делается вывод о высокой адаптивности неофашизма, его способности имитировать демократические институты для достижения своих целей и необходимости выработки комплексной стратегии противодействия.*

***Ключевые слова:** неофашизм, европейский фашизм, ультраправый популизм, национализм, ксенофобия, политический радикализм, идеологическая трансформация, кризис демократии, миграция, руссофобия, Западная Европа, исторический ревизионизм.*

I. V. Chernigovskikh

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russian Federation)

EVOLUTION AND MODERN FORMS OF EUROPEAN NEO-FASCISM: FACTORS OF REVIVAL AND SOCIO-POLITICAL THREATS

***Abstract.** The article examines the phenomenon of the revival and transformation of fascist ideology in Western European countries at the end of the XX – first third of the XXI century. Based on the theoretical approaches of V. E. Baghdasaryan, S. S. Sulakshin and the historical definitions of the Comintern, the author highlights the essential features of modern fascism. The article analyzes two main stages of the evolution of neo-fascism after the Second World War, as well as a complex of objective and subjective factors (demographic, political, and economic) contributing to its activation. Special attention is paid to the classification of forms of neo-fascism at the level of ideology ("civilizational fascism", parliamentary populism) and political practice (Russophobia, revisionism of history). The conclusion is made about the high adaptability of neo-fascism, its ability to imitate democratic institutions in order to achieve its goals and the need to develop a comprehensive counteraction strategy.*

***Key words:** neo-fascism, European fascism, ultra-right populism, nationalism, xenophobia, political radicalism, ideological transformation, crisis of democracy, migration, Russophobia, Western Europe, historical revisionism.*

Фашизм как политический феномен, казалось бы, был исторически и идеологически разгромлен по итогам Второй мировой войны. Однако, как показывает исторический опыт, политические феномены такого масштаба редко исчезают бесследно. Конец XX – начало XXI в. показали, что элементы фашизма продолжают существовать и проявляться в разных странах и регионах, принимая новые формы и приспособляясь к новым реалиям. Несмотря на распространенность фашистской идеологии и практики в Северной⁸ и Южной Америке⁹, Азии¹⁰ и даже в 90-е гг. XX в. в нашей стране, основным центром этой тенденции остается Западная Европа. В связи с этим объектом исследования является современный европейский неофашизм, а его предметом – причины, эволюция и основные формы проявления данной идеологии в конце XX – первой трети XXI в. Цель работы заключается в том, чтобы на основе анализа предмета выявить ключевые особенности эволюции неофашизма, систематизировать формы его проявления и определить характер опасности, которую он представляет для человечества.

Современный европейский фашизм (иногда его называют неофашизм, подчеркивая, что речь идет о фашизме, возникшем после второй мировой войны) может отличаться от своего классического варианта по форме и методам, поскольку изменился исторический контекст и природа политических институтов. Фашизм как политический феномен в конце XX – первой трети XXI века проявляется не как реставрация, а как адаптация, мутация и диффузия его ключевых компонентов в новые социально-политические контексты. Однако его сущность остается неизменной. Эта сущность, по мнению авторов книги «Современный фашизм: новые облики и проявления» В. Э. Багдасаряна и С. С. Сулакшина, определяется двумя основными признаками: «это присвоение себе права превосходства (1) и права насилия над другими (2)» [1, с. 28].

Также необходимо не упускать из виду главную задачу, которую преследовали те, кто использовал идеологию фашизма, превратив ее в практическое средство:

⁸ Неонацизм в Соединённых Штатах представлен несколькими организациями и группами. Крупнейшей неонацистской организацией является «Национал-социалистическое движение» (НСД).

⁹ В некоторых странах Латинской Америки 1950-х – начала 1980-х гг. (Парагвай, Аргентина, Уругвай, Гватемала, в известной степени Чили) установились режимы с выраженными фашистскими и неофашистскими чертами. В наибольшей степени эта тенденция проявилась в Боливии 1980–1981 гг. – военно-криминальный режим гарсиамесизма открыто сотрудничал с видными деятелями европейского неофашизма. Неофашистский характер носили ультраправые парамилитарные формирования в Чили (*Patria y Libertad*), Аргентине (*Triple A*), Колумбии (*AUC*), Гватемале (*Mano Blanca*), Сальвадоре (эскадроны смерти), Мексике (*Tecos*).

¹⁰ Откровенно неофашистский характер имеет Партия национального движения Турции (исторический лидер – Альпарслан Тюркеш, нынешний – Девлет Бахчели) с её военизированным крылом Серые волки (другие названия – «Корпус идеалистов», «Идеалистические очаги»).

решение капиталом своих проблем за счет внутренней и внешней экспансии. Здесь можно вспомнить определение фашизма, данное в докладе финского коммуниста, одного из деятелей Коминтерна О. В. Куусинена «Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий» на XIII пленуме Исполкома Коммунистического Интернационала (28 ноября 1933 г.) и повторенное на VII конгрессе Коминтерна (2 августа 1935 г.) болгарским коммунистом и одним из лидеров коммунистического движения Г. М. Димитровым: «фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [2, с. 120].

Таким образом, сущность фашизма, фиксируемая в определении О. В. Куусинена и Г. М. Димитрова как «открытая террористическая диктатура финансового капитала», находит свое операциональное выражение в двух ключевых признаках, выделенных В. Э. Багдасаряном и С. С. Сулакшиным: присвоении права на превосходство и права на насилие. Иными словами, именно насилие и идеология расового или национального превосходства становятся теми инструментами, с помощью которых финансовый капитал реализует свои экспансионистские задачи.

В истории европейского неофашизма можно выделить два этапа: первый – с 1945 г. (с момента завершения Второй мировой войны в Европе) и до декабря 1991 г. (до распада СССР и крушения социалистической системы в Восточной Европе); и второй – с декабря 1991 г. и до сегодняшнего дня.

На первом этапе основные усилия были направлены на реализацию т. н. «европейской идеи», под которой понималось «осуществление неудавшегося во время второй мировой войны "антикоммунистического освобождения Европы" и ее последующего объединения в могучий территориальный регион вокруг подлежащей восстановлению "сильной Средины" с "присущим ее политической системе духом порядка"» [3, с. 217].

В это время США отводили Западной Европе роль противовеса блоку социалистических стран Восточной Европы. Нужно было продемонстрировать преимущество капиталистической политической, социальной и экономической системы. Поэтому, используя финансовые ресурсы США и возможность увеличения социальных расходов за счет уменьшения военных расходов¹¹, страны Западной Европы получили возможность поднять уровень жизни т. н. «среднего класса». Финансовый капитал реализовал свои интересы в форме экономической экспансии, «законного» усиления собственного влияния на экономику других стран, подчинения себе

¹¹ В конце 1950-х годов все страны НАТО стали снижать военные расходы. В 1960 году только 3 страны из 15 тратили на оборону более 5% от ВВП – США (8,99%), Великобритания (7,09%) и Франция (5,43%). В 1969 году уже две – США (8,63%) и Великобритания (5,5%) (Алексеев А. Дональд Пять Процентом. Во сколько обходится НАТО новая гонка вооружений // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/8194650> (дата обращения: 10.03.2026)).

их производства. В это время неофашизм существовал в виде маргинальных партий (например, Italian Social Movement/MSI в Италии, Национально-демократическая партия/NPD в Германии) и был встроен в политическую систему благодаря «экономическому чуду» и антикоммунистическому консенсусу в рамках холодной войны.

Ситуация изменилась с распадом СССР и крушением социалистической системы в Восточной Европе в 1991 г. В этих условиях, во-первых, отпала необходимость поддержания социального благополучия широких слоев населения и, во-вторых, освоение ресурсов Восточной Европы и постсоветского пространства вызвало конкуренцию между западноевропейским и североамериканским финансовым капиталом. Это приводит к качественным изменениям во внутренней и внешней политике. В результате складываются объективные и субъективные факторы, которые способствуют активизации элементов фашизма в конце XX – первой трети XXI века в Западной Европе. Среди этих факторов можно выделить следующие:

1) демографический фактор: рост числа иммигрантов и изменение структуры населения вызывают тревогу и опасения среди коренного населения, создавая благодатную почву для популяризации идей национального превосходства и нетерпимости;

2) политический фактор: кризис представительной демократии, выражающийся в дистанцировании политических элит, росте технократизма и коррупции, привел к разочарованию широких слоев населения в демократическом процессе и формирует запрос на «прямую волю», персонифицируемую харизматичным лидером; разочарование в регулирующих и защитных функциях такого наднационального образования как Евросоюз вызвало эффект актуализации национально-государственных ценностей в политическом сознании населения европейских стран;

3) культурный фактор: глобализация и ускорившиеся процессы миграции ведут к усилению чувства потери национальной идентичности;

4) экономический фактор: несостоятельность государственных экономик и социальное неравенство приводят к снижению уровня жизни значительных групп населения, что, во-первых, создает благоприятную почву для возникновения радикально-националистических движений и, во-вторых, усиливает стремление к сильным властным структурам, обещающим быстрое решение проблем;

5) информационный фактор: современные средства коммуникации позволяют быстро формировать массовое сознание и манипулировать восприятием реальности, формируя иллюзию единства нации и внешнего врага; обеспечивают распространение экстремистской пропаганды и формирование замкнутых сообществ сторонников;

б) психологический фактор: чувство беспомощности и неопределенности, связанное с быстрыми изменениями в обществе, вызывает потребность в сильном руководстве и четких ориентирах, а это способствует развитию авторитарных моделей управления.

Эти факторы создают условия для появления фашистских течений и способствуют формированию поддержки у определенной части общества. По мнению В. Э. Багдасаряна и С. С. Сулакшина, «привлекательность» фашизма для обывателя проявляется в следующем: 1) он обеспечивает социальное благополучие¹²; 2) фашизм апеллирует к великодержавию; 3) фашизм в противовес индивидуализирующему либерализму содержит солидаризационные послы; 4) фашизм восстанавливает утрачиваемые и размываемые при либерализме групповые идентичности, и прежде всего идентичности этнические; 5) фашизм апеллирует к истории, к традициям соответствующей общности, ее традиционным ценностям; 6) фашизм сбрасывает маски с буржуазного общества, т. к. он резко осуждает гедонизм, потребительство, торгашескую мораль, и поэтому в нем видят альтернативу буржуазности; 7) фашизм отвергает ценностный релятивизм; 8) фашизм разоблачает нефункциональность институтов демократии в буржуазном обществе, их имитационно-симулятивный характер¹³ и противопоставляет псевдодемократизму иерархизм, как единственно жизнеспособную, с точки зрения фашистских идеологов, систему; 9) фашизм разграничивает лучших и худших и утверждает, что властвовать должны лучшие; 10) фашизм, мобилизуя социум, активно оперирует образом врага внутреннего и внешнего, что получает особый отклик в контексте национального унижения от поражений и кризисов; 11) фашизм преподносится в образах высокой героики (в этом отношении он противопоставляется миру «обывателей»); 12) фашизм реализует запрос коренных жителей на ограничение в правах чужаков-мигрантов; 13) фашизм выступает за регулирование экономики, а соответственно, борется с безработицей и спекулятивным капиталом [1, с. 39–40]. Обобщая вышесказанное, можно выделить три ключевых вектора, обеспечивающих привлекательность фашизма в периоды кризисов. Во-первых, это апелляция к базовым потребностям человека в защищенности и идентичности: фашизм обещает социальное благополучие, солидарность, восстановление этнических связей и защиту от «чужаков». Во-вторых, это критика изъянов либеральной модели – ее ценностного релятивизма, элитарности и «симулятивности» демократии, – которую фашизм разоблачает и обещает преодолеть через иерархию и авторитет «лучших». В-третьих, это мобилизующая героика и образ врага, которые дают выход социаль-

¹² Но, при этом игнорируется тот факт, что это социальное благополучие избранных достигается за счет подавления или отсечения чужих.

¹³ Фашистская критика состоит в разоблачении того факта, что в реальности вместо демократии при либерализме реализуется де-факто власть олигархии.

ному недовольству и чувству национального унижения. В совокупности эти факторы позволяют фашизму успешно конкурировать с либерализмом, который в кризисных условиях часто воспринимается как идеология элит и глобализации, чуждых национальным интересам и повседневным заботам рядовых граждан.

Понимание механизмов этой привлекательности позволяет перейти к анализу того, в каких конкретных идеологических формах и политических практиках реализует себя современный неонацизм.

На уровне идеологии неонацизм проявляет себя как: 1) «цивилизационный» фашизм; 2) «постфашистский» популизм; 3) неонацистские субкультуры.

«Цивилизационный» фашизм представляет собой транснациональную идеологию, в которой место биологической расы занимает «цивилизация» (например, «европейско-христианская»), представленная в апокалиптической борьбе с иными цивилизациями. Таким образом, «цивилизационный» фашизм сочетает в себе элементы клерикализма, этнонационализма и антиглобализма.

«Постфашистский» популизм является «респектабельным лицом» современного ультраправого движения. Его главная задача – легитимизация и приход к власти через выборы. Он основывается на следующих идеях:

– отказ от исторического бремени: происходит сознательный разрыв с символикой и риторикой исторического нацизма/фашизма (свастика, фюрерство, прямое отрицание Холокоста). В результате идеология очищается от наиболее одиозных элементов, чтобы не попадать под законодательные запреты и не отпугивать массового избирателя;

– концепция «народного суверенитета» против «коррупцированной элиты»: мир делится не на «арийцев» и «недочеловеков», а на «чистый народ» и «гнилые элиты» (Брюссель, Вашингтон, глобалисты). Это позволяет использовать левую, антиолигархическую риторику для продвижения правых идей;

– этно-плюрализм (новый расизм): вместо биологического превосходства используется идея о том, что культуры и этносы должны развиваться отдельно, чтобы сохранить свою уникальность. Выдвигается лозунг: «Нам не нравятся не люди другой расы, а смешение культур, которое убивает нашу идентичность». Это позволяет требовать ограничения миграции, не называя себя расистами;

– идея «иллюзорности демократии»: неонацисты утверждают, что либеральная демократия – это ширма, за которой реальной властью обладают олигархи или наднациональные структуры. Они предлагают вернуть власть «реальному народу» через референдумы и сильную национальную власть, противопоставляя «псевдодемократизму» прямую «волю нации»;

– традиционализм как оружие: ценности ЛГБТ, мультикультурализм и гендерная политика преподносятся как искусственные проекты элит по уничтожению

христианской (или национальной) идентичности, поэтому защита «традиционных ценностей» становится триггером для мобилизации консервативного электората.

Неонацистские субкультуры представляют собой «подпольное» или контркультурное крыло. Они не стремятся к легальной парламентской борьбе (или считают её второстепенной). Их задача – сохранение «чистоты учения» и радикализация молодежи. Идеологически это проявляется через эстетику и эзотерику, а не через политические теории. В качестве примера можно привести «эзотерический гитлеризм» и «ультраправое язычество», в основе которых лежат оккультные представления о «тысячелетнем рейхе», связи с древними цивилизациями или нордическом язычестве.

На уровне политической практики неофашизм проявляется в: 1) авторитарном этатизме (как модели управления); 2) парламентской деятельности (использование трибуны для легитимации ксенофобии); 3) уличном насилии.

Авторитарный этатизм реализуется в рамках укрепляющихся автократий или «управляемых демократий». Его характеризует культ государства и верховного лидера как воплощения национальной судьбы, идея «особого пути». Политическая практика включает подавление инакомыслия, установление контроля над медиа и судебной системой, эрозию правовых гарантий. Мобилизация общества осуществляется через милитаристскую риторику, исторический ревизионизм, культивирование образа внешней угрозы. Гражданское общество подменяется корпоративистскими структурами, лояльными режиму.

Депутаты от неонацистских и ультраправых партий систематически используют парламентскую трибуну для озвучивания ксенофобских тезисов. Поскольку это происходит в официальном органе власти и транслируется по телевидению, у зрителя срабатывает эффект «санкционирования»: «раз об этом говорят в парламенте, значит, это допустимая точка зрения». Постепенно размываются табу на публичное выражение ненависти.

Задача уличного насилия – физическое устрашение противников и создание атмосферы террора для определенных групп населения. Оно действует как внесистемная оппозиция, но часто имеет неформальные связи с парламентскими структурами. Уличное насилие проявляется в:

1) прямых действиях, т. е. физических нападениях на мигрантов, антифашистов, бездомных и т.п. Это могут быть как спонтанные избиения «пьяными подростками», так и хорошо организованные акции возмездия;

2) запугивании и психологическом терроре (например, пикетирование домов, где живут беженцы, с факелами и агрессивными лозунгами; нанесение граффити с угрозами на дома активистов, осквернение кладбищ и мемориалов);

3) срывах публичных мероприятий – нападение на левые, антифашистские митинги, блокирование культурных событий, которые ультраправые считают «чуждыми»;

4) «охране порядка», в частности, формировании патрулей из числа членов группировок для «защиты» районов от мигрантов или полиции. Они позиционируют себя как «народных мстителей», берущих на себя функции государства, которое якобы не справляется.

Предложенная выше классификация идеологических форм и политических практик современного неонацизма позволяет не только структурировать теоретическое знание, но и объяснить конкретные политические процессы в современной Европе. Рассмотрим, как теоретические конструкты проявляются в реальной политике.

Во-первых, это откровенная русофобия как инструмент консолидации. Являясь конкретным воплощением идеологемы «внешнего врага» (характерной для всех форм неонацизма), русофобия сегодня выполняет функцию мобилизации «европейско-христианской цивилизации». В этом качестве она служит мостиком между «цивилизационным фашизмом» (борьба цивилизаций) и парламентским популизмом (противопоставление «народа» и «внешних сил»).

Во-вторых, исторический ревизионизм и марши СС. Эти явления иллюстрируют симбиоз идеологии неонацистских субкультур (прямая апологетика нацизма) и практики уличного насилия. Параллельно они решают задачу, сформулированную еще на первом этапе эволюции европейского неонацизма – «антикоммунистическое освобождение Европы», очищение истории от роли Красной армии.

В-третьих, поддержка откровенно фашистского режима на Украине. Данный случай представляет собой уникальный сплав всех описанных ранее элементов: 1) на уровне идеологии: украинский национализм впитал в себя как классические расовые теории ОУН-УПА, так и современный «цивилизационный» антироссийский дискурс; 2) на уровне политической практики: мы видим классический авторитарный этатизм (культ государства, подавление оппозиции, милитаризация), легальную парламентскую деятельность партий националистического толка и широкое распространение уличного насилия, осуществляемого добровольческими батальонами и радикальными группировками.

Таким образом, поддержка киевского режима является не просто частным случаем внешней политики, а квинтэссенцией современного европейского неонацизма, где его идеологические постулаты и политические методы применяются в наиболее полном и неприкрытом виде.

Фашизм в первой трети XXI века – это не призрак прошлого, а живая, адаптивная идеология. Его главная опасность заключается не в буквальном повторении исторических сценариев, а в умении использовать слабости современных обществ и институтов. Его сила – в способности диагностировать реальные общественные болезни (неравенство, дезинтеграция, кризис идентичности), предлагая при этом катастрофически упрощённые и разрушительные рецепты. Он эксплуатирует ин-

струменты демократии для её подрыва, а технологии открытого общества – для распространения ксенофобии и авторитарных идеалов. Современный фашизм часто отказывается от прямых призывов к диктатуре, предпочитая дискурс «национальной демократии», «суверенитета» и «традиции». Противодействие требует не только правовых и силовых мер, но и целостной социокультурной и экономической стратегии, способной предложить позитивную, объединяющую альтернативу мифу о возрождении через ненависть и изоляцию. Необходимо внимательно отслеживать возникновение новых форм фашизма, анализировать его причины и последствия, разрабатывать эффективные механизмы профилактики и противостояния этому опасному явлению. Игнорирование его многоликости и адаптивности может привести к незаметной нормализации практик, составляющих суть этой разрушительной для свободного общества идеологии.

Библиографический список:

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. – М.: Наука и политика, 2017. – 328 с.
2. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 г. // VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). – М.: Политиздат, 1975. – С. 119–192.
3. Опитц Р. Фашизм и неофашизм: Сокр. пер. с нем. / Под ред. А. А. Галкина; Предисл. М. Б. Корчагиной. – М.: Прогресс, 1988. – 280 с.

R e f e r e n c e s :

1. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. Sovremenny`j fashizm: novy`e obliki i proyavleniya. – M.: Nauka i politika, 2017. – 328 s.
2. Dimitrov G. Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo Internacionala v bor`be za edinstvo rabocheho klassa, protiv fashizma. Doklad na VII Vsemirnom kon-gresse Kommunisticheskogo Internacionala 2 avgusta 1935 g. // VII kongress Kommu-nisticheskogo Internacionala i bor`ba protiv fashizma i vojny`. (Sbornik doku-mentov). – M.: Politizdat, 1975. – S. 119–192.
3. Opitcz R. Fashizm i neofashizm: Sokr. per. s nem. / Pod red. A. A. Galkina; Predisl. M. B. Korchaginoj. – M.: Progress, 1988. – 280 s.

УДК: 130.2:140.8

А. В. Гиза

(кандидат философских наук, доцент)
Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ «ВИДИМОСТИ»

***Аннотация.** В рамках настоящего исследования проводится анализ идеологических и пропагандистских стратегий, направленных на нивелирование представлений о коммунизме в общественном сознании. Отмечается, что коммунистическая идея допускается к обсуждению лишь в искаженной форме, лишенной своего сущностного содержания, а критический анализ общественных отношений нередко ограничивается призывами, ориентированными на индивидуальный личностный рост. Все это служит механизмами, препятствующими глубокому осмыслению и критике существующих общественных реалий.*

***Ключевые слова:** общество, идеология, коммунизм, пропаганда, видимость, капитализм, историческая реальность.*

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SOCIAL REALITY THROUGH THE PRISM OF IDEOLOGICAL "VISIBILITY»

***Annotation.** The present study analyzes ideological and propaganda strategies aimed at leveling ideas about communism in the public consciousness. It is noted that the communist idea is allowed to be discussed only in a distorted form, devoid of its essential content, and critical analysis of public relations is often limited to appeals focused on individual personal growth. All these serve as mechanisms that prevent deep reflection and criticism of existing social realities.*

***Key words:** society, ideology, communism, propaganda, visibility, capitalism, historical reality.*

Проблемы повседневного существования, связанные с достижением материальной устойчивости и самодостаточности, безопасности жизни, преодолением различных стрессовых факторов, заботой о близких и т.д. касаются подавляющего большинства населения. Они не утрачивают актуальности и требуют постоянных усилий для их разрешения. Это текущая обыденность, в которой каждодневно при-

существует человек, и к ней нередко сводится всё его бытие. За пределами повседневности живет большой мир исторического бытия, незримо вторгающийся в пространство простого существования. О нём также любит рассуждать и составлять собственное мнение обыватель, но его суждения почерпнуты из ближайших информационных источников, умело и с видимостью достоверности формирующих смысловые блоки и нужные направления толкований политических, экономических и прочих событий. Разветвленная пропагандистская государственная служба, к которой примыкают корпоративные телеканалы с частным финансированием, доносит факты, прошедшие процедуру изготовления в ракурсе направленно конструируемой социально-исторической картины мира.

Историческая реальность в любом современном государстве активно выстраивается и регулируется в нужных идеологических параметрах и уже в таком препарированном виде оформляется в восприятии обывателя как подлинная, фактически данная действительность. В. И. Ленин, в преддверии первой мировой войны, когда особо витийствовали нанятые журналисты и сами политики, писал: «Обывательская публика, развеса уши, слушает эти рассказы, принимая побасенки за чистую монету, и слепо идет за аферистами, которые стараются занять “общественное” внимание как раз тем, что им, аферистам, требуется. Обывательская публика не подозревает, что ее ведут на поводу, что звонкими фразами о “патриотизме”, о “чести и престиже отечества”, о “группировке великих держав” прикрывают намеренно проделки финансовых мошенников и всяких капиталистических авантюристов» [2, с. 121].

Насколько проницательны суждения Ленина о текущих событиях, настолько неизменна эта «обывательская публика», не желающая ничего знать действительно, и более всего нацеленная на сохранение удобного и выигрышного для нее самовосприятия. Далее Ленин продолжает: «А на деле вся эта грызня Австрии с Россией, тройственного союза с тройственным соглашением, все эти тонкие подходы, — все это лишь споры капиталистических дельцов и капиталистических правительств из-за дележа добычи» [2, с. 122]. Убираем из ленинской формулы те частности, которые исторически изменчивы, подставляем в неё фигуры современных геополитических субъектов – и вот перед нами столь же актуальное свидетельство происходящего.

И. В. Сталин также фиксирует ситуацию с империалистической политикой в научно-точном, ленинском ключе: «Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, – вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков» [6, с. 292]. Сказанное в 1913 г. и 1934 г. как нельзя лучше применимо и к нашему времени, опровергая тезис буржуазных апологетов о якобы кардинально изменившейся сути капитализма. При этом надо отдавать отчет, что ука-

занные характеристики верны для всех капиталистических стран без исключения, включая, безусловно, и Россию.

Философия XX – XXI вв. со своей стороны нередко разоблачает идеологические построения как скрывающие волю к власти, не щадя при этом и науку. Последнее, разумеется, избыточно и неверно, но философия выполняет свой долг познания эпохи в мысли, хотя последняя в значительной степени потеряла как гегелевскую логическую силу, так и марксистскую форму научности. История же последних 150 лет показала, что иной формы научности в деле исследования общественно-политической и экономической действительности помимо марксистской, нет.

Имея в виду разделение человеческого мира на онтологически выделенные повседневность и историчность, можно было бы подумать, что целостные и смысловым образом продуманные ответы об обществе, политике и историческом срезе происходящего в мире мы можем почерпнуть именно у философов. Это будет верно, но с существенной поправкой: философ не является небожителем в чертогах высшей мудрости, он также обитает в повседневных реалиях текущего вот-бытия, и не является чистым воплощением абсолютного духа. Это простое соображение влечёт понимание необходимости достижения принципиальной конкретики в деле уяснения философских суждений. Там, где индивид действует как философ, он всегда прав. В иных случаях он ничем не отличается от обывателя.

В речах многих философов, аналитиков, политиков, высказывающих соображения о путях и проблемах развития общества и мира в целом, в силу указанного смешения бытового и мирового проявляется – впрочем, не у всех и не всегда! – такая черта: глубокие трактовки могут перемежаться с совершенно обескураживающими заявлениями. Последние вплетены в общую ткань рассуждений и констатаций, и внешне выглядят неотличимо от вполне научных и обоснованных соображений. Иными словами, теоретический, философский текст может выражать не только суть рассматриваемого процесса, но и видимость этой сути. Причем, эта видимость как бы прокрадывается в текст помимо авторской воли, – если по умолчанию принять научную добросовестность автора.

Тема будущего российского общества и самого российского государства в отечественных публикациях нередко освещается в идеалистическом ключе. Так, в [1] поначалу даётся соответствующее реальности описание социальных достижений советской власти и делается верный вывод – «... опыт построения коммунизма состоялся» [1, с. 29]. Речь идёт, конечно, о первой фазе коммунизма, – социализме. Но дальше, когда надо приступать к самому главному – выявлению причин гибели СССР, авторы идут по облегченному пути, и переводя всю сложность проблемы в поле непонятно почему произошедшей фатальной метаморфозы мышления: «Коммунистический идеал оказался нежизненным именно потому, что утратил разум-

ность, изначально присущую ему, и стал рассудочным» [1, с. 30]. Здесь следует два вопроса. Первое, почему он что-то утратил и в чём это выразилось? Если указанный идеал был существенно переформулирован, то желательно расписать обе редакции и конкретно сравнить их.

Второе, почему вдруг рассудочность (которую авторы даже не определили) оказалась столь роковым обстоятельством? Авторская констатация сама следует из рассудочного подхода, т.е. такого, который движется в формальных противопоставлениях и размежеваниях, не видя реальной диалектической взаимосвязи и взаимоперехода ни в понятиях, ни в предметной сфере. Разве логическая рассудочность и последовательность мысли не является составляющей разумного отношения? В любом случае, авторский ответ видится содержательно крайне облегченным и понятийно небрежным. И каким образом «коммунистический идеал оказался нежизненным» при том несомненном факте, что «опыт коммунизма состоялся»? Добавим, что искомый опыт не просто состоялся, но оформился в крайне трудных исторических условиях, когда обществом и страной успешно решались такие задачи, суть и масштаб которых многими нынешними российскими политиками и высшими чиновниками – судя по их оценкам и высказываниям - не осознается и в малейшей степени.

Авторы, как они думают, выявляют некий решающий недостаток духовного развития в воспитании нового человека в советское время, говоря о «необходимости борьбы сначала с самим собой, а уже потом с идеологическим противником» [1, с. 30]. Опять-таки, налицо рассудочное и формальное разделение направленности «борьбы» - сначала-де себя побори, а потом противника. Между тем, диалектическая философия и революционная практика совершенно точно и давным-давно ответили на подобные вопросы. В третьем тезисе о Фейербахе К. Маркс пишет: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*» [3, с. 2]. Речь, таким образом, идёт о совпадении, а не о некоей очередности одного и другого, что означает действие в состоянии практической вовлеченности в процесс преобразования самой исторической действительности, и, одновременно, самого себя. Не словесно, в моральных проповедях, наставлениях и поучениях растёт личность – это способно привести лишь к резонерству и мнимому глубокомыслию, но в действительном, т.е. материальном осуществлении нарабатываемых смыслов.

Нечто подобное разобранной статье и по структуре, и содержательно мы встречаем у другого автора, Д. Шелеста [7]. Структурно точно так же видим критику капиталистического строя, даже в более жесткой форме, с весьма сильным, и совершенно верным утверждением относительно того, что Россия не имеет иммунитета против фашизма: «Рассматривая современное американское общество, Роб Ури, автор левацкого журнала «Контрудар» (The Counterpunch), пишет в 2021 году

следующее: "Это фашизм. Милитаризация полиции, выстроенное надзирающее государство, богатейшие семьи и карцер для остального мира" ... Слова, написанные про США, зримо обретают реальность по всему миру. И Россия не обладает иммунитетом против этого бедствия» [7]¹⁴. Но с научной точки зрения их требуется усилить, и довести до необходимого логического завершения, невзирая на возникновение при этом явного идеологического расхождения с официально трактуемой политической картиной мира.

Дело в том, что нынешняя эпоха позднего капитализма, продолжающая этап империализма, несёт в себе усиливающиеся противоречия именно империалистической стадии с доминированием финансового капитала и тотальным сворачиванием демократических форм правления в пользу не только авторитарных, но и прямо диктаторских практик. При этом растёт разрыв в доходах, и богатые продолжают концентрировать в своих руках все большую часть прибавочного продукта, тогда как бедные слои населения сползают в нищету, как относительную, так и абсолютную. Демократический фасад и ритуальное волеизъявление граждан на выборах остаётся, на деле же власть обладает возможностью манипулятивного регулирования результатами голосования.

Эта возможность, в конечном счете, позволяет властям проводить выстраивание политической конфигурации сил в точном соответствии с решением задачи удержания и укрепления самой власти. Это общая тенденция, включающая в себя спекуляции на теме национальной идеи, для России особо чревата усилением процессов фашизации как политики, и самого общества. При этом политический горизонт и само мышление съезживается до простейшей цивилизационной схемы «черное - белое», доходя до крайней степени противопоставления в дихотомии «дьявольское - божественное», до полного расчеловечивания тех, «кто не с нами».

Для обоснования этих идеологем неявно предполагается, или же специально оговаривается, что-де есть капитализм западного типа, бесчеловечный и бесовский, а есть наш, отечественный, богоданный, подлинно гуманный и подлинный хранитель «традиционных ценностей». Особо изощренные в богословии апологеты российского капитализма вообще называют его катехоном, «удерживающим». Но эти спекуляции в реальности имеют сугубо идеологический подтекст и исторически толковались абсолютно произвольно, опираясь на не слишком внятное суждение из одного из посланий ап. Павла. Иными словами, перед нами типичный симулякр, лишь имитирующий некую содержательность как объективную данность.

Характерно, что власть обращается к религиозному дискурсу, намеренно архаизируя общественное сознание, делая его заложником навязываемых националистических инстинктов в форме крикливого и крайне назойливо продвигаемого

¹⁴ Оценочная характеристика «левацкий» обычно несёт негативный контекст, который в данном случае не имеет отношения к содержанию приведенной цитаты.

«патриотизма». Суть этого «патриотизма» давно рассмотрена в русской публицистике, причём, не только в трудах революционных социал-демократов. Об этом рассуждал более 150 лет назад Салтыков-Щедрин в очерке «Сила событий»: «Большинство понимало под словом «патриотизм» что-то врожденное, почти обязательное. Начальство, соглашаясь с этим определением, прибавляло, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний [5, с. 162]. Требование безусловного следования линии начальственных толкований, сколь бы маловразумительными или откровенно нелогичными они ни были, составляет явную черту и нашего времени.

Салтыков-Щедрин очень точно выделяет, в частности, и такой общий признак общественной жизни имперской России и России нынешней, как вопрос о паразитах: «Это вопрос об отношении к идее патриотизма бесчисленных паразитов, наполняющих мир... Могут ли... именоваться патриотами подрядчики, поставляющие вместо ружей шаспо простые ударные, или кремневые, или, наконец, такие кремневые, у которых вместо кремня фигурирует разрисованная на манер кремня чурка, а также градоначальники и военачальники, поощряющие такие поставки?» [5, с. 163]. Частный интерес и неуёмная жажда прибыли любой ценой в соответствующих общественно-экономических условиях постоянно воспроизводятся, заведомо перебивая и общественный интерес, и нужды собственно страны как таковой, в том числе и воюющей армии. Подлинный патриотизм, как отмечает Салтыков-Щедрин, выражается в идее общего блага [5, с. 169], но реально, при господстве частной собственности на средства производства, эта идея недостижима и всегда урезана, искажена и непоправимо деформирована стремлением капитала к своему росту, повышению нормы прибыли.

Однако, вернемся к рассматриваемой статье, и спросим, какой же выход из сложившихся исторических обстоятельств предлагает автор? Ответ есть: «...построение нового общества возможно. Причём его построение необходимо начинать с себя. Для начала стоит задуматься о том, чтобы не перенимать воровские привычки, отказаться от лакейства перед теми, кого называют «элитами» в современном мире...» [7]. Вновь мы видим тезис насчёт начинания с себя. Это столь же неоспоримо, сколь и маловразумительно в такой сугубо личностной редакции. Но в чём заключается отказ от лакейства? Уверения самого себя, что отказ состоялся, явно мало. Как и в чём он должен проявиться, если действительно произойдёт? Так, чтобы это не стало обычным самообманом? Полагаем, что отказ от лакейства означает, в первую очередь, отказ бездумно принимать начальственные указания, формирующих и навязывающих через систему государственных и частных СМИ общую массу оценок, утверждений и соображений историко-политического и мировоззренческого порядка – безотносительно к должности, включая и президентскую.

Этот порядок касается гражданской стороны жизни общества, в которой не должно быть указующих перстов, и где весомость того или иного мнения – как, впрочем, и в других областях – зависит исключительно от степени аргументации защищаемой, а не навязываемой позиции. За прошедшие с горбачевской перестройки десятилетия – с 1985 г! – буржуазными властями нагромождены в этом направлении монбланы антисоветской пропагандистской лжи, но по факту в противовес идеологии коммунизма не создано ровно ничего, кроме механически-грубых муляжей неких «традиционных ценностей». Все эти нереализованные попытки выдумать новую «национальную идею» есть самое внятное свидетельство того факта, что все актуальные идеологические альтернативы уже не только проговорены в академической форме и достаточно подробно выражены текстуально, но и получили свою историческую и предметную конкретность и завершенность. Система основных идеологических вариаций в XX в. достигла принципиальной содержательной полноты. В её рамках стремление создать ещё одну идейную платформу всё той же капиталистической формы хозяйствования, которая была бы хотя бы внешне приглядной и обладающей значимым воздействием на аудиторию, происходит в наше время через обращение к религиоподобной практике с её аспектами нерассуждающего и антипросвещенческого догматического верования с растущими элементами явного обскурантизма.

Однако ясно, что насаждаемая архаизирующая общественно-политическая практика крайне вредна для исторического развития страны и служит отнюдь не делу народной консолидации, но исключительно сохранению достигнутого status quo для отечественной буржуазии. Её единственная забота – как приумножить и сохранить капитал, поднять свой рейтинг в списке Форбс и, в конце концов, передать власть над финансовыми потоками и ресурсами страны по наследству, т.е. сугубо феодальным путем. Наличная идеология, существующая юридически неявно, по факту, есть доминирующая в жизни страны практика частно-корпоративного обогащения на природных богатствах и созданных трудом нескольких поколений советских людей общественных материальных фондов, а также на усилении прямой эксплуатации работников, интенсификации труда.

В сфере среднего и высшего образования проводится последовательная политика по увеличению нагрузки учителей и преподавателей по составлению ими разного рода отчетности, справок и прочих формуляров. В последнее время сюда добавляется информатизация учебного процесса, его дублирование в двух вариантах, электронном и бумажном. Интересы самой учебы, её содержательность и вообще осмысленность здесь только декларируются, но, по сути, приносятся в жертву беспощадной и неостановимой в своём чиновничьем рвении министерской бюрократии.

Реальной и принципиальной альтернативой наличному тупиковому и стремительно деградирующему состоянию общественного сознания является переустройство общества на социалистических началах как первой фазе коммунистического будущего земной цивилизации. Идея коммунизма, проводимая последовательно, интеллектуально честно и бескомпромиссно, без заигрываний с вариантами якобы правильного капитализма, должна также давать теоретически обоснованную отповедь различным домыслам, периодически появляющимся не только в научных журналах, но и в массовой печати – см., например, статью с характерным названием «Возможен ли коммунизм в современном обществе: утопический идеал противоречит законам эволюции» [4]. Эта статья отличается как заметной непоследовательностью своих положений, так и очень упрощенным, вульгаризированным, а местами просто обывательским взглядом на коммунизм. Так, законы эволюции берутся в интерпретации Спенсера, к тому же в весьма абстрактном ключе. Утверждается, что «Человеческие сообщества... идут по пути усложнения, хотя и с периодическими откатами в упрощение отдельных обществ.

Утопический идеал, напротив, говорит об упрощении человеческих отношений. Все люди становятся одинаково добрыми, умными и красивыми, живут в похожих домах и одинаково воспитывают детей. Идеал здесь — чистота: физическая и духовная. Это, конечно, здорово. Но как же человек сможет остановить эволюцию?» [4]. Все эти, так сказать, рассуждения представляют собой безжизненную абстракцию, не отражающей реальность и существующей лишь в голове автора. Оказывается, чтобы шла эволюция, необходимо наличие всякой мерзости, т.к. когда «все добрые» — это ведёт к стандартизации человеческого общества. Что тут сказать? Человек взялся писать статью на столь непростую тему, но его суждения не имеют не только теоретической зрелости, но не содержат даже простой житейской умудренности. В горизонте среднестатистического буржуазного сознания идеи коммунизма всегда приобретают гротескный и нелепо-комичный характер, что свидетельствует лишь о его фатальной моральной деформации, о его неискоренимом лицемерии и цинизме. Считать, что такое положение должно сохраняться и дальше – значит, обрекать отдельного индивида и человечество в целом на согласие с существующими бездушными порядками, отчуждающими все живое и разумное, т.е. самого человека.

Библиографический список:

1. Бычков А. В., Арсентьева В. С. Коммунистический идеал: утопия или будущее человечества // Вестник науки и образования. 2018. № 10 (46). – С. 28-32.
2. Ленин В. И. Международная политика буржуазии // Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 23. – М.: Политиздат, 1973. – С. 121-122.
3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., изд. 2. Т. 3. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 1-4.
4. Правосудов С. А. Возможен ли коммунизм в современном обществе: утопический идеал противоречит законам эволюции // МК от 05.02.2026. URL: <https://www.mk.ru/social/2026/02/05/vozmozhen-li-kommunizm-v-sovremennom-obshhestve-utopicheskiy-ideal-protivorechit-zakonam-evolyucii.html>
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Сила событий / Собр. соч. в 20 тт. / Т. 7. – М. : Худож. лит., 1969. – С. 162-183.
6. Сталин И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. // Собр. соч., т. 13 - М. : Государственное издательство политической литературы, 1951 г. – С. 282-379.
7. Шелест Д. Коммунизм в XXI веке: нереализованная утопия или непонятое будущее // Регнум, 20.02.2021. URL: <https://regnum.ru/article/3200763>

References:

1. By`chkov A. V., Arsent`eva V. S. Kommunisticheskij ideal: utopiya ili budushhee chelovechestva // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2018. № 10 (46). – S. 28-32.
2. Lenin V. I. Mezhdunarodnaya politika burzhuazii // Poln. sobr. soch., izd. 5. T. 23. – M.: Politizdat, 1973. – S. 121-122.
3. Marks K. Tezisy` o Fejerbaxe / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. , izd. 2. T. 3. – M. : Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1955. – S. 1-4.
4. Pravosudov S. A. Vozmozhen li kommunizm v sovremennom obshhestve: utopicheskij ideal protivorechit zakonam e`volyucii // МК от 05.02.2026. URL: <https://www.mk.ru/social/2026/02/05/vozmozhen-li-kommunizm-v-sovremennom-obshhestve-utopicheskiy-ideal-protivorechit-zakonam-evolyucii.html>
5. Salty`kov-Shhedrin M. E. Sila soby`tij / Sobr. soch. v 20 tt. / T. 7. – M. : Xudozh. lit., 1969. – S. 162-183.
6. Stalin I. V. Otchyotny`j doklad XVII s`ezdu partii o rabote CzK VKP (b) 26 yanvary 1934 g. // Sobr. soch., t. 13 - M. : Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`, 1951 g. – S. 282-379.
7. Shelest D. Kommunizm v XXI veke: nerealizovannaya utopiya ili neponyatoe budushhee // Regnum, 20.02.2021. URL: <https://regnum.ru/article/3200763>

УДК 94(430).086:329.18

Г. В. Мишечкин

(к. ист. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

И. И. Ковалёва

(к. ист. наук, доцент)

Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СУЩНОСТИ НАЦИЗМА

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь нацизма и капитализма, исследуются истоки нацизма как ультраправой, экстремистской, расистской, социал-дарвинистской идеологии и движения. Авторы приходят к выводу о том, что нацизм является закономерным порождением капитализма.

Ключевые слова: нацизм, колониализм, Запад, идеология, капитализм, империализм, ксенофобия.

G. V. Mishechkin

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade

Named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

I. I. Kovaleva

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University of Economics and Trade

Named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

THE PROBLEM OF THE ORIGIN AND ESSENCE OF NAZISM

Abstract. The relationship between Nazism and capitalism, and explores the origins of Nazism as an ultra-rightist, extremist, racist, and social-Darwinist ideology and movement are analyzed in the article. The authors conclude that Nazism is a natural consequence of capitalism.

Key words: Nazism, colonialism, the West, ideology, capitalism, imperialism, xenophobia.

Более 80-ти лет назад была повержена нацистская Германия. Казалось, что дни нацизма как радикальной формы фашизма сочтены, данная антигуманная идеология канет в Лету. Однако, к сожалению, этого не произошло. Сегодня, в начале второй четверти XXI века, нацизм всё чаще заявляет о себе, оказывает

сильное влияние на неподготовленные умы подрастающего поколения, становится всё более привлекательным для представителей различных слоёв населения. Этот процесс заметен в ряде стран мира. Затронул он и территорию постсоветского пространства, особенно прибалтийские государства и Украину.

Проблема происхождения и сущности нацизма проанализирована в большом количестве научных работ. Среди аспектов анализируемой проблемы важное место занимает вопрос о непосредственной связи нацизма с капитализмом. Необходимо заметить, что в западной историографии редко указывают на данную взаимосвязь. В небольшом исследовании нельзя дать целостный историографический обзор представленной темы. Обозначим только некоторые из публикаций, которые непосредственно использовались авторами [1, 9, 10, 12, 14, 17-19]. Кроме того, упомянем исследования, опосредованно касающиеся изучаемой проблемы, но позволившие более полно её раскрыть [2-8, 11, 13, 15, 16]. Завершая краткий историографический анализ, заметим, что по мнению российского исследователя А.В. Щипкова, «целостной, до конца выстроенной, системной концепции нацизма и расизма в нашем распоряжении всё ещё нет» [18, с. 6].

Учитывая выше представленные аргументы и краткий историографический анализ, в статье поставлена цель: проанализировать взаимосвязь нацизма с капитализмом, обосновать утверждение о том, что происхождение нацизма и его сущность непосредственно связаны с капиталистической общественно-экономической формацией.

Истоки капитализма, отдельные его элементы можно обнаружить в древности, в частности в колониационных процессах. Этот вопрос является дискуссионным, так как, к примеру, формирование финикийских колоний во II – I тыс. до н. э. и Великая греческая колонизация VIII – VI вв. до н. э., как правило, характеризовались не очень жёсткой связью между метрополией и колониями, небольшими масштабами и незначительной эксплуатацией колонизируемых территорий.

Ситуация кардинально изменилась в эпоху Нового времени. В ходе так называемых Великих географических открытий, позволивших ведущим европейским странам (Португалия, Испания, Франция, Англия, позднее – Нидерланды) выйти на тропу захвата, порабощения и эксплуатации большого массива земель и коренного населения Америки, Азии, Африки, Австралии, колониализм получил качественно новое развитие, что в первую очередь было связано с зарождением и развитием капиталистической общественно-экономической формации.

Сделаем ещё одно важное замечание. Некоторые исследователи сознательно закрывали глаза на связь капитализма с нацизмом и с целью отвести подозрения от этой зависимости пытались сконцентрироваться на отождествлении нацизма (и шире – фашизма) с коммунизмом. Но при этом даже у них проскальзывало понимание, что «коммунизм и фашизм никогда не были идентичны: каждый со време-

нем эволюционировал и каждый оставил своё собственное потомство» [4, с. 699]. Более того, Н. Дэвис, категорически настаивая на том, что у фашизма (нацизма) и коммунизма «гораздо больше общего» чем отличного, проговаривался, что коммунисты «оправдывали своё существование» не только борьбой с коричневой чумой, но и однопорядковыми, но более отдалёнными «либерализмом, империализмом и колониализмом» [4, с. 699-700]. Следовательно, британский историк неосознанно указывал на общие основания у капитализма и нацизма.

Как известно, одной из важнейших составляющих колониальной политики европейских наций в Новое время был расизм – идеология и общественная практика, основанная на представлении об иерархической соподчинённости человеческих рас или проще – на превосходстве одних рас над другими. Ценностные отличия между представителями разных цивилизаций оправдывали для западного человека миф о превосходстве, «который в XIX веке формулировался как «бремя белого человека»» [19, с. 24].

Проследим связь между расистской идеологией и нацизмом. Необходимо отметить, что Гитлер очень позитивно оценивал расовую политику США [14, с. 63]. Особое восхищение фюрера вызывала и завоевательная политика европейских колонистов, истребивших миллионы индейского населения [14, с. 66]. В этом плане нацисты были примерными учениками, прежде всего, английского расизма. Акцентируя внимание на приведённом утверждении, отечественный специалист А.В. Щипков прямо указывал, что «наиболее активным носителем идеологии расового превосходства является англосаксонский мир» [18, с. 63]. Что касается образца для будущего владычества на востоке (в России), то и в этом случае для нацистов в приоритете была политика Англии в индийских колониях [12, с. 30], а фильм «Жизнь бенгальского улана» стал обязательным для просмотра всех членов нацистской организации СС [12, с. 43]. Сходство между расизмом Англии и Германии во многом объясняет версию, что полёт Р. Гесса в Британию в мае 1941 года был осуществлён с целью обретения нацистами союзника в лице англичан, а в худшем случае – подтверждения их нейтрального статуса в войне с СССР.

В свою очередь, у нацистов было много сторонников в Великобритании. А лидер Британского союза фашистов – Освальд Мосли – «утверждал, что британские фашисты выступают за укрепление мира в Европе, призывал к установлению дружеских отношений с нацистским режимом, и в качестве одного из первых шагов в этом направлении он считал необходимым вернуть Германии её колонии», а также ратовал за предоставление нацистам свободы экспансии на восток Европы [11, с. 332-333, с. 341].

Немецкий историк И. Фест заявлял, ссылаясь на речи А. Гитлера, что, по мнению нацистского лидера, наряду с Британской колониальной империей, США, а также основанной Японией «Великой Восточной Азией», в будущем четвёртой экономической важной империей, которые разделят мир, будет объединённая

нацистами Европа [15, с. 488].

Английский исследователь Р. Осборн в труде «Цивилизация. Новая история западного мира» подчёркивал, что так называемые Нюрнбергские законы 1935 года (ограничивали евреев определённым набором специальностей и запрещали им вступать в брак с немцами неиудейского исповедания) «практически нивелировались действовавшими на Юге демократических Соединённых Штатов «законами Джима Кроу», аналогично запрещавшими межрасовые браки, а также расово окрашенной колониальной политикой Британии, Франции и других европейских государств». И далее Р. Осборн замечал, что Гитлер вполне справедливо указывал на подобие расовой политики США и Германии, и «в этом не было никакой извращённой логики – нацизм вырос в эпоху, в которую все белые нации считали себя превосходящими любые другие» [9, с. 670-671]. С этим трудно не согласиться, если только отказаться от абсолютизации всех белых наций в указанном вопросе.

Как и поведение «цивилизованных» европейских государств на чужих землях в эпоху, которую в Европе именуют Великими географическими открытиями, так и отношение нацистов в XX веке к советским гражданам опиралось на положение о «неполноценности, опасности и нецивилизованности врагов», о расе варваров [9, с. 675]. При этом, западные исследователи отмечали, «что германская армия, с подчёркнутым уважением относившаяся к противнику, когда он носил британскую и французскую форму, нисколько не церемонилась ни с советскими военными, ни с гражданским населением» [9, с. 674]. Австралийский историк Н. Старгардт подчёркивал, что «в отличие от прямого колониального правления на востоке» (в Польше и СССР), во Франции, к примеру, «государство сохранилось» [13, с. 301].

К сказанному выше дополним, что нацисты особо «отличились» в уничтожении мирного населения СССР. Не случайно, действия нацистской оккупационной администрации, спецслужб, армии в годы Великой Отечественной войны в отношении мирных советских граждан определяются российскими судами сегодня как геноцид [8, с. 91]. Итальянский специалист Г. Препарата указывал и на ответственность англичан за преступления нацистов в СССР: «...когда ээсовцы вторглись в русские леса, Черчилль, исходя из собственных, и только собственных планов, и соображений, позволил им в течение трех лет решать их «задачи», предположительно зная о намерениях черных легионов до того, как они приступили к делу» [10, с. 390]. Как известно, подобные преступления против человечества не имеют срока давности, поэтому работу по разоблачению и осуждению нацистских злодеяний следует активизировать и продолжать.

В последние годы, даже в западной историографии, все более распространяется утверждение, что нацизм – «не был порождением людей необразованных и недалёких, либо же восстанием бескультурных и отчуждённых против умных и искижённых», а его сторонниками были трезвомыслящие представители средних

слоёв, образованные люди, добросовестно выполнявшие свою работу [9, с. 681]. Британо-американский социолог М. Манн подводит итоги в отношении социальной базы нацизма так: после 1930 года в нём были широко представлены почти все классы [6, с. 250]. Также показательным является факт, что, применяя эвтаназию, врачи-профессионалы Третьего рейха руководствовались чисто профессиональными целями, честолюбием и корпоративными интересами. А профессор Э. Рюдин без тени сомнения определял евреев и цыган «паразитически чуждыми расами» [16, с. 126-127]. Х. Арндт, анализируя английское расовое мышление, отмечала, что оно зародилось не в господствующем, а также как и в Германии, в среднем классе [1, с. 256].

Не было острой необходимости состоять в нацистской партии, не было тотально всеподавляющего гестапо, так как «из всех политических дел, заведённых властями с 1933 по 1945 год, только 10 процентов было действительно инициировано гестапо, и ещё 10 процентов было передано от полиции и членов партии – оставшиеся 80 процентов возбуждались на основании обращений обычных германских граждан» [9, с. 680].

В научной литературе указывалось на тот факт, что итальянский фашизм и германский нацизм возникли в тех странах, которые «опоздали» к переделу мира, были объединены только во второй половине XIX века и поздно стали участниками «колониальной гонки», сохранили «в своём социально-политическом и культурном укладе традиции авторитаризма», поэтому зёрна человеконенавистнических идеологий хорошо проросли именно на их почве [3, с. 84].

Однако, ряд исследователей (Р. Осборн, М. Саркисянц, Дж. Уитмен, А. Щипков) обосновали, что корни нацизма находятся в колониальной политике ведущих капиталистических стран – Британии и США. И в этом плане германский нацизм не является исключительно немецкой проблемой, уникальным и аномальным историческим явлением. Он – непосредственное детище западной цивилизации, порождение капиталистической общественно-экономической формации, «естественный продукт западного модерна» [18, с. 26].

Упомянутый нами Р. Осборн, анализируя природу и сущность нацизма, констатировал: «Столетиями белокожие европейцы христианского вероисповедания воспринимали себя как расу, превосходящую все прочие и наделённую правом уничтожать других во имя своей цивилизации, – в предшествующие 150 лет («дальше вглубь истории») люди, чей цвет кожи и обычаи были иными, подвергались пыткам, побоям, издевательствам и массовым убийствам в порядке вещей, по единственной причине своей инаковости, а к началу XX века стало естественным не только рассматривать отличающихся от тебя и твоей среды (включая необразованные массы) как стоящих на нижней ступени биологического развития, но и видеть в них потенциальную угрозу жизнеспособности европейской цивилизации – и подкреплять свои убеждения «рациональными» лженаучными теориями». Англий-

ский мыслитель подытоживал: «Фундаментом рабства, колонизации, узаконенной сегрегации неизменно являлось сочетание представлений о собственном расовом превосходстве и страха перед угнетёнными – отношение, которое существовало задолго до открытия страшной правды о холокосте и отнюдь не ушло в небытие вместе с ним» [9, с. 683].

Говоря о расовом превосходстве и праве одних уничтожить себе подобных из других цивилизаций, уместно вспомнить, что говорили о Западе отечественные геополитики XIX века. В частности, о насильственности как об общей характерной черте народов романо-германского культурно-исторического типа писал наш выдающийся мыслитель Н. Я. Данилевский, который прямо указывал, что человек ею обладающий «ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо-должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [2, с. 179]. О стремлении Запада к господству и том, что западная цивилизация считает иные человеческие культуры-цивилизации недостойными существования, писал и другой российский выдающийся геополитик Ф. И. Тютчев [7, с. 111].

Целесообразно также напомнить, что в ночь с 15 на 16 декабря 2022 года (по московскому времени) Генассамблея ООН большинством голосов (документ поддержали 120 стран, 10 стран воздержались) приняла внесённую Россией резолюцию под названием «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». Интересно отметить, что среди тех, кто выступил против принятия резолюции – США, Великобритания, ФРГ, Франция, Италия, Испания, Канада, Япония, Португалия, Нидерланды, Украина, Польша, Литва, Латвия, Эстония и т. д. Как видим, среди противников резолюции – бывшие главные государства-колонизаторы, ведущие капиталистические игроки, а также те страны, на территории которых функционировали фашистские режимы в прошлом, а сегодня поднимает голову неофашизм в различных его проявлениях.

Таким образом, краткий анализ исследуемой проблемы позволяет констатировать, что нацизм является не каким-то особенным явлением, а непосредственным детищем капиталистической общественно-экономической формации. Он – порождение европейского (и позднее – американского) капитализма, колониальной и той расовой политики, которую белые «первооткрыватели» вели на завоёванных и порабощённых территориях. Базовые признаки нацизма связаны с колониальным капитализмом и военно-политической экспансией Запада [18, с. 10].

Мы полностью солидарны с мнением А.В. Щипкова, что нацистский проект Гитлера представляет собой «перенесение прежнего, общеевропейского колониалистского опыта внутрь самой Европы и обновление прежних расистских концеп-

ций» [18, с. 14]. Нацисты вчера и сегодня выступали и продолжают выступать против деколонизации, против многополярного мира, колониализм всё больше мимикрирует под глобализацию.

Попытки отдельных западных исследователей отождествлять нацистскую и коммунистическую идеологии являются «работой для отвода глаз» от реальных близкородственных связей между нацизмом, расизмом, капитализмом и либерализмом. В конечном итоге их объединяют следующие основные положения: концепция неравенства, идея верховенства и превосходства белой расы (её избранных носителей), нетерпимость к иной точке зрения и способу поведения, насильственность, «градация» человеческого материала, вера в мессианизм западного человека.

Учитывая вышесказанное, становится понятным, почему неонацизм, проявившийся на данном этапе, не вызвал на Западе когнитивного диссонанса. Специалисты констатируют, что нацизм – незавершённое явление, время существования которого зависит от исторической судьбы глобального Запада, тесно связанной с развитием капитализма [17, с. 40]. По нашему глубокому убеждению, нацизм, возникший как реакция на кризис капиталистических отношений, и являясь одним из крайних проявлений капиталистической системы, перестанет существовать только вместе с капитализмом.

Библиографический список:

1. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. Послесл. Ю. Н. Давыдова. Под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
3. Джентиле Э. Фашизм: история и истолкование /Пер. с итал. А. Шурбелёва. – СПб.: Владимир Даль, 2022. 561 с.
4. Дэвис Н. История Европы / Норман Дэвис; пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 943 с.
5. Коппе, Р. Тезисы В. И. Ленина об империализме и колониализме и их значение для анализа неоколониализма / Р. Коппе // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – 2024. – № 4(22). – С. 55-61. – EDN SGAGUL.
6. Манн М. Фашисты / Пер. с англ. под ред. А. Р. Дюкова. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.
7. Мишечкин, Г. В. Концепт "цивилизация" в социально-политической философии Ф.И. Тютчева / Г. В. Мишечкин // *Социально-гуманитарные знания*. – 2024. – № 6. – С. 111-113. – EDN MNBLJM.
8. Мишечкин, Г. В. Тайная полевая полиция нацистской Германии в Сталино (февраль-сентябрь 1943 г.) / Г. В. Мишечкин // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. – 2023. – № 2(85). – С. 86-93. – EDN YQIXEN.

9. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ; Астрель. – 2010. – 764 с.
10. Препарата Г. Дж. ГИТЛЕР, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх /Пер. с англ. А. Н. Анваера. – М.: Поколение, 2007. – 448 с.
11. Прокопов А. Ю. Фашисты Британии. Союз Освальда Мосли: идеологи и политика (1932-1940 гг.). – СПб.: Алетейя, 2001. 474 с.
12. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова. – СПб.: Академический проект. 2003. – 400 с.
13. Старгардт Н. Мобилизованная нация: Германия 1939-1945 / Николас Старгардт; [пер. с англ. А. З. Колина]. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус. - 2021. 688 с.
14. Уитмен Дж. Американская модель Гитлера. – СПб.: Питер, 2024. 272 с.
15. Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну / Фест Иоахим; Пер. с нем. А.А. Федорова, Н.С. Летневой, А.М. Андропова. – М.: Вече, 2006. – 640 с.
16. Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945 / Н. Фрай; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; науч. ред. А.Ю. Ватлин]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ГИИМ, 2009. 255 с.
17. Щипков А. В. Парадигмальные основания и истоки глобального нацистского проекта // Ортодоксия. – 2025. – № 1. – С. 30–43. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43.
18. Щипков А. В. Незавершённый нацизм. Генезис, трансформации и родственные явления: монография / А. В. Щипков. – М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2024. – 134 с.
19. Щипков А. В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. – 2022. – № 2. – С. 11-47. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-11-47

References:

1. Arendt, X. Istoki totalitarizma / Per. s angl. I. V. Borisovoj, Yu. A. Kimeleva, A. D. Kovaleva, Yu. B. Mishkenene, L. A. Sedova. Poslesl. Yu. N. Davy`dova. Pod red. M. S. Kovalevoj, D. M. Nosova. M.: CentrKom, 1996. 672 s.
2. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa / Sost., posleslovie i kommentarii S.A. Vajgacheva. M.: Kniga, 1991. 574 s.
3. Dzhentile E`. Fashizm: istoriya i istolkovanie /Per. s ital. A. Shurbelyova. SPb.: Vladimir Dal`, 2022. 561 s.
4. De`vis N. Istoriya Evropy` / Norman De`vis; per. s angl. T.B. Menskoj. M.: АСТ: Tranzitkniga, 2005. 943 s.
5. Koppe, R. Tezisy` V. I. Lenina ob imperializme i kolonializme i ix znachenie dlya analiza neokolonializma / R. Koppe // Kul`tura i civilizaciya (Doneczk). – 2024. – № 4(22). – S. 55-61. – EDN SGAGUL.
6. Mann M. Fashisty` / Per. s angl. pod red. A. R. Dyukova. SPb.: Piter; Fond «Istoricheskaya pamyat`», 2023. 592 s.
7. Mishechkin, G. V. Koncept civilizaciya v social`no-politicheskoy filosofii F.I. Tyutcheva / G. V. Mishechkin // Social`no-gumanitarny`e znaniya. – 2024. – № 6. – S. 111-113. – EDN MNBLJM.

8. Mishechkin, G. V. Tajnaya polevaya policiya nacistskoj Germanii v Stalino (fevral`-sentyabr` 1943 g.) / G. V. Mishechkin // Zhurnal istoricheskix, politologicheskix i mezhdunarodny`x issledovanij. – 2023. – № 2(85). – S. 86-93. – EDN YQIXEN.
9. Osborn R. Civilizaciya. Novaya istoriya Zapadnogo mira. M.: AST; Astrel`, 2010. 764 s.
10. Preparata G. Dzh. GITLER, Inc. Kak Britaniya i SShA sozdavali Tretij rejx /Per. s angl. A. N. Anvaera. M.: Pokolenie, 2007.448 s.
11. Prokopov A. Yu. Fashisty` Britanii. Soyuz Osvaľ da Mosli: ideologi i politika (1932-1940 gg.). SPb.: Aletejya, 2001.474 s.
12. Sarkisyancz M. Anglijskie korni nemeczkogo fashizma. Ot britanskoj k avstro-bavarskoj «rase gospod» / Per. s nem. M. Nekrasova. SPb.: Akademicheskij proekt, 2003. 400 s.
13. Stargardt N. Mobilizovannaya naciya: Germaniya 1939–1945 / Nikolas Stargardt; [per. s angl. A. Z. Kolina]. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2021. 688 s.
14. Uitmen Dzh. Amerikanskaya model` Gitlera. — SPb.: Piter, 2024. 272 s.
15. Fest I. Gitler. Biografiya. Triumf i padenie v bezdnu / Fest Ioaxim; Per. s nem. A.A. Fedorova, N.S. Letnevoj, A.M. Andropova. M.: Veche, 2006. 640 s.
16. Fraj N. Gosudarstvo fyurera: Nacional-socialisty` u vlasti: Germaniya, 1933 – 1945 / N. Fraj; [per. s nem. L.Yu. Pantinoj; nauch. red. A.Yu. Vatlin]. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N); GIIM, 2009. 255 s.
17. Shhipkov A. V. Paradigmal`ny`e osnovaniya i istoki global`nogo nacistского proekta // Ortodoksiya. – 2025. – № 1. – S. 30–43. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43.
18. Shhipkov A. V. Nezavershyonny`j nacizm. Genezis, transformacii i rodstvenny`e yavleniya: monografiya / A. V. Shhipkov. M.: RPU sv. Ioanna Bogoslova, 2024. 134 s.
19. Shhipkov A. V. Ideologiya social`nogo tradicionalizma (social-tradiciya) // Ortodoksiya. – 2022. – № 2. – S. 11–47. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-11-47

УДК 130.2

Д. Д. Овсяникова

(старший преподаватель)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ КОНЦЕПТА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблемы идеологического измерения концепта исторической памяти. В работе приводятся наиболее показательные подходы к проблеме соотношения понятий «историческая память» и «идеология»: историческая память рассматривается в контексте марксистского понимания идеологии, а также в рамках представлений об идеологии, обнаруживаемых в современной исследовательской литературе. Автором делается вывод о существенной общности данных понятий, обусловленной их изначальной ангажированностью: как понятие идеологии, так и понятие исторической памяти выступают выразителями процесса обращения к прошлому тех или иных социальных групп, стремящихся утвердить собственное мировоззрение и интересы в рамках социального взаимодействия.*

***Ключевые слова:** историческая память, идеология, коллективный исторический опыт, М. Хальбвакс, К. Маркс.*

D. D. Ovsianikova

(Senior Lecturer)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

ON THE ISSUE OF THE IDEOLOGICAL DIMENSION THE CONCEPT OF «HISTORICAL MEMORY»

***Abstract.** The article is devoted to the study of the problem of the ideological dimension of the concept of historical memory. The paper presents the most revealing approaches to the problem of the relationship between the concepts of "historical memory" and "ideology": historical memory is considered in the context of the Marxist understanding of ideology, as well as within the framework of ideas about ideology found in modern research literature. The author makes a conclusion about the essential commonality of these concepts, due to their initial engagement: both the concept of ideology and the concept of historical memory represent the process of referring to the past of certain social groups seeking to establish their own worldview and interests within the framework of social interaction.*

***Keywords:** historical memory, ideology, collective historical experience, M. Halbwachs, K. Marx.*

Проблема социального измерения памяти, захватившая исследовательскую мысль в 80-х годах прошлого века, продолжает играть важную роль в современном гуманитарном дискурсе. Осмысление особенностей и механизмов реализации памяти в границах общественного бытия нашло своё выражение в разнообразных понятиях, раскрывающих различные аспекты её функционирования. Из множества понятий, циркулирующих в современной исследовательской литературе, одним из наиболее распространённых и востребованных стало понятие исторической памяти. При этом, его сущностное содержание и границы применимости, получая различную оценку в воззрениях анализирующих данное понятие авторов, остаются предметом дискуссий: часть исследователей убеждены в избыточности понятия исторической памяти, возможности свести его к иным понятиям, уже существующим и используемым в гуманитарных науках [7], другие же настаивают на его самостоятельном эвристическом потенциале [5]. Так, среди множества научно-познавательных задач, оформившихся в проблемном поле анализа данного понятия, одним из важных аспектов его осмысления становится вопрос взаимосвязи концепта исторической памяти с понятием идеологии. Данная проблема также носит противоречивый характер и различными авторами интерпретируется по-разному, потому анализ несхожих и наиболее показательных подходов к ней выступает актуальной темой исследования.

В работах, посвящённых рассмотрению понятия исторической памяти, зарождение основополагающих идей, составивших первичную основу теории исторической памяти, связывается с исследованиями французского социолога Мориса Хальбвакса, автора трудов «Социальные рамки памяти» [9], «Коллективная память» и др.

Центральная идея, вокруг которой выстраиваются рассуждения М. Хальбвакса, утверждает социальную обусловленность памяти: согласно воззрениям автора, память не представляет собой в чистом виде только осуществляющийся на уровне индивидуального сознания процесс обработки и сохранения информации, её реализация имеет социальную детерминированность. Любой личный опыт индивида встраивается в представления о прошлом, которые уже были выработаны группой и передаются в процессе коммуникации и взаимодействия между участниками коллективной жизни – «социальные рамки памяти». Таким образом, даже само формирование индивидуальной памяти осуществляется в процессе социализации: «...память невозможна вне рамок, которыми живущие в обществе люди пользуются для фиксации и нахождения своих воспоминаний» [9, с. 115].

В рецензии к изданию на русском языке труда М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» Н. Колягина отмечает, что в исследовательской среде принято считать именно воззрения Хальбвакса тем поворотным пунктом, с которого начинается смещение фокуса интересов историков «с объекта „прошлое“ на „память“ и „коллективную память“» [3].

В то же время сам Хальбвакс прокладывает чёткую границу между памятью и историей, воспринимая их в качестве противоположностей. С точки зрения Хальбвакса, история не является памятью, поскольку стремится к всеобщности: несмотря на существующие в рамках исторической науки деления на периоды и национальные истории, история как таковая универсальна – она одна для всех. В то время как в памяти нет строгого деления на периоды, в отличие от истории, стремящейся жёстко систематизировать прошлое, коллективная память всегда неотделима от конкретной группы, поэтому существует множество различных «памятей» – столько же, сколько и групп. М. Хальбвакс пишет: «Историю можно представить как универсальную память человеческого рода. Но универсальной памяти не существует. Носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени» [8]. Если история – это объективное и истинное знание о прошлом, то память всегда определяется опытом и интересами какой-то конкретной общественной группы, и в этом смысле, как указывает С. Зенкин, выработанное М. Хальбваксом представление о коллективной памяти «сближается с марксистским понятием *идеологии*» [9, с. 20].

В рамках марксистского подхода понятие идеологии имеет масштабный характер и фактически выражает собой воплощённое в различных формах иллюзорное отражение действительности.

Одним из фундаментальных положений марксистской философии выступает постулирование примата общественного бытия над общественным сознанием: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [6, с. 20]. Сознание обуславливается реальными обстоятельствами и процессами общественной жизнедеятельности. При этом, возникающее в сознании представление о реальности может создавать как адекватное его выражение, так и искажённые конструкции, не способные воспроизвести подлинную действительность: идеология и есть иллюзия, порождённая превратным отображением реального бытия.

В своём анализе идеологического отображения реальности К. Маркс формулирует понимание фундаментальной причины его возникновения: основание иллюзорности в восприятии действительности Маркс усматривает в ограниченности общественной практики.

Понятие практики в марксистской философии выступает выражением целостной преобразующей социальной деятельности людей, направленной на удовлетворение человеческих потребностей через изменение природы, при этом «все социальные явления, - как подчёркивает П. Н. Кондрашов, - суть результаты развёртывания человеческого праксиса, в каждом из которых имеет место единство материальной и духовной (идеальной) составляющих» [4].

Практика исторична – её виды имеют временную и социальную определённую, однако для отдельного человека типы практики являются естественной данностью, их временность и ограниченность зачастую выходит за границы его способности осмыслить собственное бытие, увидеть реализацию своей жизнедеятельности «извне». Некритичное восприятие собственного существования и деятельности, осуществляемых в соответствии с изначально заданными установками, лишает возможности осознать их историчность и локальность, порождая ощущение всеобщности данного способа бытия. Именно эта подмена в отражении реальности временного и частного способа деятельности убеждённой во всеобщности осуществляемого бытия становится почвой для иллюзорного видения действительности: «идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включённое в неё» [1, с. 62].

Вместе с тем, практика и её отражение в сознании представляют собой целостное единство: «у всякого бытия есть своё выражение в сознании; и у всякого сознания, даже самого фантастического и заблуждающегося, есть своё, в этих фантазиях выраженное бытие» [1, с. 62-63].

В границах представленного понимания идеологии – широкого по своему охвату, включающего в себя различные способы отражения в сознании объективной действительности, в том числе в виде политических, правовых, религиозных, этических, эстетических и даже философских взглядов [2, с. 231], историческая память может быть рассмотрена как одна из разновидностей идеологии. Реальный исторический опыт группы получает своё осмысление и отражение в формируемых на основе этого опыта коллективных представлениях о нём. Однако воспоминания группы всегда встроены в сам процесс её жизнедеятельности и с неизбежностью имеют ангажированный характер: фактически причастность к группе определяет границы, за которые сознанию принадлежащего конкретному сообществу индивида сложно выйти. Таким образом, возникающее на почве реального исторического опыта его отражение, зафиксированное в памяти, искажается уже самим фактом вовлеченности участников коллектива в процесс переживания данного опыта, и эта ангажированность сохраняется в дальнейшей преемственной передаче информации о полученном опыте.

Фиксируемое понятием исторической памяти сущностное единство самого коллектива и формируемых и сохраняемых им представлений о своём прошлом, является аспектом, раскрывающим близость понятий идеологии и исторической памяти. В концепции К. Маркса идеология в классовом обществе обречена на то, чтобы иметь классовый характер: она всегда будет выражением интересов определённого сообщества [2, с. 229]. Подобно этой классовой определённости идеологии у Маркса, историческая память, будучи всегда замкнутой в границах существования конкретной социальной группы, запечатлевает её заведомо пристрастное видение собственного бытия в истории: марксова идеология, как и историческая память

конкретной группы людей, в своём первом приближении возникают естественным путём не как «обман, не надувательство масс, а самообман, самоиллюзия реальности о себе самой, неизбежно порождаемая человеком как агентом социального праксиса», поэтому идеология у Маркса в тексте «Немецкой идеологии» зачастую раскрывается как самоиллюзии эпохи либо самоиллюзии нации [1, с. 64]. Так, характеризуя то, как реализует себя идеология, Маркс пишет: «„Воображение“, „представление“ этих определённых людей о своей действительной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет её» [6, с. 38]. Вместе с тем, формируемое исторической памятью осмысление коллективом своего прошлого опыта выкристаллизовывает для него же самого собственный образ, выступающий ориентиром в утверждении групповой самоопределённости и обуславливающий специфику его – коллектива – социального бытия. Память становится основой идентичности группы: участники коллективной жизни через приобщённость к совместной памяти утверждают свою причастность к самой данной группе, поэтому коллективная память не может быть просто передана кому-то извне. Подобное концептуальное понимание коллективной памяти – утверждающее её замкнутость на собственном внутреннем содержании, порождающую взгляд всегда словно «изнутри» – подчёркивает её сущностную субъективность, что в свою очередь демонстрирует схожесть исторической памяти и идеологии.

Таким образом, обнаруженные точки пересечения между сформулированным К. Марксом понятием идеологии и понятием исторической памяти позволяют отметить их внутреннюю общность, выявленную С. Зенкиным в его рассуждениях. Однако в то же время в современном гуманитарном дискурсе само понятие идеологии получает различные интерпретации и имеет дискуссионный характер [10]. Придание понятию идеологии отличных от рассмотренных выше оттенков смысла естественным образом предполагает иное соотношение данных понятий.

Так, например, Н. С. Корнющенко-Ермолаева проводя компаративистский анализ идеологии и коллективной исторической памяти, утверждает идеологию не в качестве способа отражения реальности, а как «активное построение образа действительности – конструктор с его особого назначения интерпретацией» [5, с. 66]. В предложенных автором рассуждениях идеология выступает результатом профессионального конструирования, плодом намеренной работы политиков и философов. Идеология, представленная в такой интерпретации, в первую очередь ориентирована на трансформацию существующей реальности, проводимую через манипуляцию коллективным сознанием, в которое закладываются необходимые для реализации поставленной цели установки. В таком случае, для идеологии прошлое становится всего лишь «материалом», исторически обосновывающим её формирование: «Из определённого видения исторического прошлого нации идеология вы-

страивает технологии достижения будущего» [5, с. 67].

Автор проводит последовательную демаркационную линию между идеологией и коллективной исторической памятью: в отличие от идеологии, целенаправленно формируемой её теоретиками, историческая память, возникая стихийно, существует как динамическая система, лишённая стабильности теоретической модели. Она формируется в живом общении представителей разных поколений, что в свою очередь порождает общую эмоциональную вовлеченность в прошлое.

Тем не менее, важной характеристикой, обнаруживаемой как в идеологических построениях, так и в коллективной исторической памяти, оказывается тенденция к искажению фактов об историческом прошлом. Преследуя определённые изначально заложенные в неё интересы, идеология реконструирует прошлое, опираясь на собственные мировоззренческие установки: «Как теоретическая система идеология включает в себя одновременно с достоверными знаниями об историческом прошлом и целенаправленно искажённые представления, которые смещают акценты и меняют оценки событий и деятельности политических лидеров» [5, с. 69].

Искажения, происходящие в функционировании коллективной исторической памяти, обуславливаются, с одной стороны, эмоциональной вовлеченностью участников коллектива в сохраняемое в памяти событие, а с другой – многократной повторяемостью рассказа об этом событии: истории, удерживаемые в памяти «могут быть основаны на отдалённо схожем личном опыте, но в деталях оказываются „ложными“ – сконструированными воспоминаниями, сформированными не собственным опытом, а скорее коммуникативным обменом» [5, с. 70]. Таким образом, коллективная память сохраняет не столько само воспоминание, сколько его упрощённый образ – «редукцию события до мифического архетипа».

Помимо этого, коллективная память имеет тенденцию к обновлению и актуализации своих представлений о прошлом в свете настоящего. Фактически эти процессы были осмыслены уже М. Хальбваксом, указывавшим в своих трудах на «воссоздающий» характер коллективной памяти. Согласно Хальбваксу, воспоминания подвержены изменениям с течением времени: «некоторые воспоминания не возникают вновь не потому, что они стары и постепенно рассеялись, – просто раньше они были обрамлены такой системой понятий, которой у них уже нет сегодня» [9, с. 127]. Память группы не сохраняет прошлое в его непосредственном виде, она скорее реконструирует его «работая над своими нынешними рамками» [9, с. 343], воссоздавая то, что соответствует контекстуальным границам настоящего. Таким образом, комплекс воспоминаний подвергается постоянной ревизии, и потому коллективная память представляет собой недостоверный источник информации о фактическом прошлом.

Н. С. Корнющенко-Ермолаева, подчёркивая различие в механизмах искажения реальности, присущих идеологии и исторической памяти, так объясняет спе-

цифику их функционирования: «в отличие от идеологии, которая в своих проектных суждениях конструирует то, чего в мире ещё нет (идеи, концепции, убеждения и т.д.), коллективная память скорее реставрирует, воспроизводит воспоминание в новом качестве» [5, с. 70].

В силу специфики социо-гуманитарного дискурса, в котором зачастую можно обнаружить несогласованность представлений различных исследователей о тех или иных явлениях и возможности выразить их сущность в строго фиксированных понятиях, проблема соотношения понятий идеологии и исторической памяти остаётся открытой и может быть подвергнута различным интерпретациям в зависимости от авторских установок, с которыми они подходят к данным понятиям.

При этом, формируются ли коллективные воспоминания о прошлом естественным путём в процессе жизнедеятельности социальной группы, либо образ прошлого становится результатом целенаправленного конструирования и выступает инструментом достижения определённых целей, – «память» остаётся пристрастным искажением реальной действительности. Так, во-первых, в силу своей сущностной нестабильности и тенденции к пересмотру исторического опыта, и во-вторых, в связи с предустановленной субъективностью, коллективная память о прошлом становится территорией столкновения различных социальных общностей и неизменным объектом разнообразных манипуляций. Потому вне зависимости от того, как именно прокладывается граница между самими понятиями исторической памяти и идеологии, данные понятия приобретают в большей или меньшей степени политизированный характер, поскольку оба выступают выразителями процесса обращения к прошлому тех или иных социальных групп, стремящихся утвердить собственное мировоззрение и интересы в рамках социального взаимодействия.

Библиографический список:

1. Баллаев, А. Б. Проблема идеологии в творчестве Карла Маркса [Электронный ресурс] / А. Б. Баллаев // История философии, 1998. – №3. – С. 55-75. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ideologii-v-tvorchestve-karla-marksa>
2. Келле, В. Идеология / В. Келле, М. Ковальзон// Философская энциклопедия / Ин-т философии АН СССР; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1962. – Т.2: Дизъюнкция – Комическое. – С. 229-233.
3. Колягина, Н. Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти [Электронный ресурс] / Н. Колягина, 2009. – URL : <https://web.archive.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book/halb-wachs>
4. Кондрашов, П. Н. Действенная сущность социального праксиса в понимании К. Маркса [Электронный ресурс] / П. Н. Кондрашов // Дискуссия, 2015. – №4. – С. 75-78. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/deystvennaya-suschnost-sotsialnogo>

- praksisa-v-ponimanii-k-marksa
5. Корнющенко-Ермолаева, Н. С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса / Н. С. Корнющенко-Ермолаева [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология, 2021. – № 60. – С. 64-73. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-versus-kollektivnaya-istoricheskaya-pamyat-k-istorii-diskursa?ysclid=mmj9fzvg4x479335545>
 6. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – XVI. – 574 с.
 7. Савельева, И. М. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М. : Из-дат. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170-220.
 8. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2/3 (40/41). – С. 8-27. – URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=m3yq1dd61x749209402>
 9. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; [пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин]. – Москва : Новое издательство, 2007. – 346 с.
 10. Шаов, А. А. Теоретические основания феномена идеология: социально философский анализ [Электронный ресурс] / А. А. Шаов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология», 2011. – Вып. 1. – С. 24-32. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16369427&ysclid=mnurq1n6z985798778>

R e f e r e n c e s :

1. Ballaev, A. B. Problema ideologii v tvorchestve Karla Marksa [E`lek-tronny`j resurs] / A. B. Ballaev // Istoriya filosofii, 1998. – №3. – S. 55-75. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ideologii-v-tvorchestve-karla-marksa>
2. Kelle, V. Ideologiya / V. Kelle, M. Koval`zon// Filsofskaya e`nciklopediya / In-t filosofii AN SSSR; gl. red. F. V. Konstantinov. – M., 1962. – T.2: Diz``yunkciya – Komicheskoe. – S. 229-233.
3. Kolyagina, N. Moris Xal`bvaks. Social`ny`e ramki pamyati [E`lektronny`j resurs] / N. Kolyagina, 2009. – URL : <https://web.archive.org/web/20130806024531/http://urokiistorii.ru/media/book/halbwachs>
4. Kondrashov, P. N. Dejstvennaya sushhnost` social`nogo praksisa v poni-manii K. Marksa [E`lektronny`j resurs] / P. N. Kondrashov // Diskussiya, 2015. – №4. – S. 75-78. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/deystvennaya-suschnost-sotsialnogo>

praksisa-v-ponimanii-k-marksa

5. Kornushhenko-Ermolaeva, N. S. Ideologiya versus kollektivnaya istoriche-skaya pamyat`? K istorii diskursa / N. S. Kornushhenko-Ermolaeva [E`lek-tronny`j resurs] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Filosophiya. Sociologiya. Politologiya, 2021. – № 60. – S. 64-73. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-versus-kollektivnaya-istoricheskaya-pamyat-k-istorii-diskursa?ysclid=mmj9fzvg4x479335545>
6. Marks, K. Nemeckaya ideologiya / K. Marks, F. E`ngel`s. – M.: Politizdat, 1988. – XVI. – 574 s.
7. Savel`eva, I. M. «Istoricheskaya pamyat`»: k voprosu o graniczax ponyatiya / I. M. Savel`eva, A. V. Poletaev // Fenomen proshlogo / otv. red. I. M. Savel`eva, A. V. Poletaev. M. : Iz-dat. dom GU VShE`, 2005. – S. 170-220.
8. Xal`bvaks, M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat` [E`lektronny`j resurs] / M. Xal`bvaks // Neprikosnovenny`j zapas. – 2005. – № 2/3 (40/41). – S. 8-27. – URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html?ysclid=m3yq1dd61x749209402>
9. Xal`bvaks, M. Social`ny`e ramki pamyati / M. Xal`bvaks ; [per. s fr. i vstup. st. S. N. Zenkin]. – Moskva : Novoe izdatel`stvo, 2007. – 346 s.
10. Shaov, A. A. Teoreticheskie osnovaniya fenomena ideologiya: social`no filosofskij analiz [E`lektronny`j resurs] / A. A. Shaov // Vestnik Ady`-gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedenie: filo-sofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turolo-giya», 2011. – Vy`p. 1. – S. 24-32. – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16369427&ysclid=mniurq1n6z985798778>

П О Л И Т И Ч Е С К И Е Н А У К И

УДК. 304.4

О. М. Шевченко

(доктор философских наук, доцент)
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

Л. Л. Штофер

(кандидат философских наук, доцент)
Ростовский государственный экономический университет
(г. Ростов-на-Дону)

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В статье рассматривается роль идеологии как системообразующего фактора обеспечения национальной безопасности государства. На основе анализа современных научных подходов и исторических фактов обосновывается вывод о том, что идеология (в форме национальной идеи и системы традиционных российских ценностей) является необходимым элементом, обеспечивающим духовную защиту личности, общества и государства.*

***Ключевые слова:** идеология, национальная безопасность, либерализм, национальная идея, образ будущего, ценностный консенсус, общественный договор.*

O. M. Shevchenko

(Doctor of Philosophy, Associate Professor)
Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

L. L. Shtofer

(Ph.D., Associate Professor)
Rostov State University of Economics (RINH)
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

IDEOLOGY AS A FACTOR OF STATE STABILITY AND SECURITY

***Abstract.** This article examines the role of ideology as a system-forming factor in ensuring national security. Based on an analysis of modern scientific approaches and historical facts, it is concluded that ideology (in the form of a national idea and a system of traditional Russian values) is an essential element ensuring the spiritual protection of the individual, society, and the state.*

***Keywords:** ideology, national security, liberalism, national idea, vision of the future, value consensus, social contract.*

В современном мире наряду с военно-технологическими и экономическими угрозами возрастает значение информационно-психологического противоборства. В подобной ситуации в обеспечении национальной безопасности особую роль приобретает идеология. Столкнувшись с беспрецедентным внешним давлением, попытками переписывания истории и дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, Россия вынуждена искать ответы на вызовы, лежащие в ценностно-мировоззренческой сфере. Следует отметить, что в основном законе страны – Конституции РФ – постулируется отказ от государственной идеологии (статья 13). Являясь гарантией идеологического многообразия и демократического развития страны, данная норма порождает сложный вопрос: возможно ли обеспечение национальной безопасности без объединяющей общество идеологической платформы?

Термин «идеология» был введен французским мыслителем А. Д. де Трасси в XVIII веке для обозначения науки об идеях, изучающих их происхождение и закономерности развития [11]. В его понимании идеология есть система идей, основанная на фактах и научных принципах. Таким образом, идеология первоначально мыслилась как строгая наука, подобная естественнонаучным дисциплинам. В дальнейшем понятие «идеология» приобрело иные коннотации.

Кардинальный пересмотр концепции идеологии связан с работами К. Маркса и Ф. Энгельса. Последние рассматривали её как превращенную форму сознания, выражающую интересы господствующего класса [8]. По мнению классиков марксизма, любая идеология создается исключительно для легитимации социально-экономического неравенства, сложившегося в обществе.

Марксистская традиция в понимании идеологии развивается в учениях А. Грамши, Л. Альтюссера [3; 1]. Данные авторы усматривают в идеологии не только инструмент классового господства, но и способ воспроизводства социальных отношений в целом.

В дальнейшем к исследованию идеологии обращаются К. Маннгейм, Х. Арндт, К. Фридрих и др. [7; 14; 15]. Анализируя взаимосвязь между идеологией и утопией, К. Маннгейм указывает на то, что идеология представляет собой теоретическую доктрину, посредством которой в обществе легитимируется политический порядок [7]. С К. Маннгеймом полемизирует Х. Арндт, отрицающая научно-доктринальный характер идеологии, позиционируя ее исключительно как инструмент в борьбе за политическую власть [14]. Аналогичную позицию занимает К. Фридрих, утверждающий, что идеология представляет собой «систему верований, которая объясняет и оправдывает предпочитаемый данным обществом политический порядок, а также предлагает стратегию для его достижения» [15, р. 5]. Вышесказанное позволяет увидеть в идеологии не только систему идей, но и их практическое воплощение в жизнь.

Так или иначе ученые видели в идеологии способность управлять общественным сознанием и интегрировать общество на основе разделяемых людьми ценностных установок.

В современном научном дискурсе идеология рассматривается большинством авторов как система концептуально оформленных представлений, идей и взглядов, отражающих интересы определенных социальных групп и направленных на сохранение или изменение существующих общественных отношений. К числу важнейших функций идеологии специалисты относят [10]:

- а) когнитивную (объяснение смыслов человеческой деятельности);
- б) интегративную (объединение индивидов и социальных групп);
- в) мобилизационную (достижение сплочения для достижения общих целей);
- г) легитимирующую (обоснование действий институтов власти в обществе);
- д) амортизационную (ослабление социальной напряженности).

Подобные функции позволяют идеологии решать государственные задачи различных уровней, как внешнеполитического, так и внутриполитического. Одним из важнейших свойств идеологии является ее способность формировать культурно-политическую идентичность населения страны, а также отвечать на вопросы о целях общественного развития и критериях справедливого устройства государства.

В настоящее время становится очевидным, что обеспечение национальной безопасности государства невозможно без духовно-нравственного единства общества и его способности противостоять внешнему деструктивному воздействию.

Анализ исторического развития России позволяет проследить устойчивую связь между наличием объединяющей национальной идеи и состоянием духовной защищенности государства. Длительный период идеологической системой, консолидирующей российское общество и определяющей место России в мировой системе, было православие. Исследователи отмечают, что «без православного духовного возрождения русской нации невозможно ни восстановление национального самосознания русских, ни их материальное процветание, ни государственное могущество» [9, с. 896].

В данном контексте концепция «Москва-Третий Рим», сформулированная иноком Филофеем, выполняла не только сугубо богословскую, но и геополитическую функцию. Не случайно, Иван Грозный в полемике с Андреем Курбским развивал концепцию «православного истинного самодержавия», где верховная власть представляла гарантом не только политического, но и духовного суверенитета [5].

Преобразования Петра I внесли коррективы в идеологическую картину русского общества: идея служения «общему благу» дополнила, а в определенной степени и потеснила, идею сакрализации власти.

В XIX веке графом С. С. Уваровым в качестве идеи, объединяющей российское общество, была предложена триада «Православие. Самодержавие. Народность». Каждый из элементов уваровской идеологемы был призван решать свою

задачу, а вместе они должны были составить прочный фундамент, ограждающий Россию от западного влияния, а именно от либерализма, рационализма и революционности. Знаменитая триада стала не просто официальным девизом периода царствования Николая I, но и первым в отечественной истории опытом создания государственной идеологии.

Советский период продемонстрировал роль и значение политической идеологии в строительстве нового общества и преобразовании мира в целом. В основе советской идеологии лежало марксистско-ленинское учение, задававшее принципы организации всех значимых аспектов общественной жизни – политики, экономики, образования, культуры и др. Несмотря на известный догматизм, именно идеологическая монолитность советского общества во многом обеспечила его мобилизационный потенциал в годы Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства.

В постсоветский период был установлен конституционный запрет на государственную идеологию, обусловленный необходимостью признания ценностного плюрализма. Однако, как показала социальная практика, отсутствие идеологического единства и распространение ценностного плюрализма привело к распространению в общественном сознании цивилизационно чуждых либеральных установок. Их влияние на состояние российского общественного сознания оценивается большинством исследователей как крайне негативное: почти 35-летнее воздействие западной культуры «общества потребления» на сознание россиян привело к деформации «культурного кода» российской цивилизации [4].

Деструктивное влияние либеральной идеологии на российское общество проявило себя в следующих тенденциях: а) разрушение культурно-цивилизационной идентичности народа (девальвация традиционных ценностей, демонтаж исторической памяти); б) рост коррупции (отсутствие «идеологии неприятия коррупции» как на уровне элит, так и в обществе в целом); в) девальвация патриотизма, его превращение в декларативную риторику.

Вызывает тревогу состояние правящих элит, значительная часть которых разделяет либеральные ценности. Сегодня важным для обеспечения национальной безопасности России является процесс национализации элит, который представляет собой «комплекс решений и действий, направленных на изменение образа жизни и содержания сознания властей предрежащих с личных интересов на интересы общества и государства, их готовность решать важнейшие проблемы собственной страны» [13, с.141].

Необходимо отметить, что влияние либеральной идеологии на духовный кризис в России является сложным и нелинейным процессом. С одной стороны, механистическое внедрение либеральных ценностей (индивидуализм, примат материального над духовным) в постсоветский период привело к разрушению тради-

ционной для российской цивилизации картины мира и последующей глубокой мировоззренческой фрустрации. С другой стороны, реакция на этот вызов породила контртенденцию, направленную на восстановление духовного суверенитета России, невозможного без формирования идеологического каркаса общества, базирующегося на традиционных ценностях.

В российском общественном и научном дискурсе в качестве альтернативы понятию «государственная идеология», нагруженному в общественном сознании негативными коннотациями, активно обсуждается концепт «национальная идея». Последняя апеллирует к идее исторической миссии страны, базовых ценностей народа, желаемом образе будущего, критериях справедливого общественного устройства.

В «Стратегии национальной безопасности РФ» и «Основах государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей» фактически закреплён ценностный консенсус, вокруг которого может выстраиваться объединяющая идеологическая платформа. К числу базовых ценностей отнесены: жизнь, достоинство, патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, историческая память и преемственность поколений.

Важно отметить, что данный ценностный блок не противоречит конституционному принципу идеологического многообразия, поскольку не предполагает обязательного принятия единой доктрины, но задает ценностные рамки общественного диалога и гражданской консолидации.

Решение проблемы идеологического обеспечения национальной безопасности России лежит в плоскости не столько запретительных, сколько созидательных мер, среди которых можно выделить следующие.

— Институционализация ценностного консенсуса в обществе: документы стратегического планирования должны не просто декларировать традиционные ценности, а создавать условия и механизмы их реализации в образовательной, культурной и информационной политике РФ.

— Сохранение и трансляция исторической памяти: без глубокого понимания сложного исторического пути государства невозможно формирование устойчивой национальной идентичности. Историческая политика государства должна быть направлена на выработку образа прошлого, объединяющего полиэтничное российское общество. Сохранение, передача и актуализация исторической памяти является ключевым аспектом национальной политики любого государства, поскольку ее отсутствие способствует возникновению лакунов в понимании прошлого страны. Эти «пробелы» быстро заполняются альтернативными версиями событий: от предвзятых интерпретаций до откровенных фальсификаций [12].

— Подготовка национальной элиты: необходима идеология, «обязательная для тех, кто стремится войти в кагорту лидеров российской державы» [6]. Кадровая политика должна учитывать идеологический компонент, ориентирующий политических деятелей на приоритетность национально-государственных интересов.

— Институты образования и воспитания: система среднего, высшего и дополнительного образования призвана транслировать ценностные установки, обозначенные государством в качестве приоритетных. Здесь может быть полезен опыт советской системы образования с ее воспитательными практиками. Однако он требует критического переосмысления и адаптации к новым социальным условиям.

— Информационная политика: противостояние деструктивному идеологическому воздействию требует активной информационной политики государства, транслирующей духовно-нравственные ценности, развивающей медиаграмотность населения и создающей привлекательный образ будущего. Исследователи отмечают, что «образ будущего – это составная и обязательная часть идеологии. Запрет на идеологию – запрет на осмысленный образ будущего. Образ будущего – это необходимая часть суверенитета общества, его независимости и исторической субъектности» [2, с. 162].

Особого внимания заслуживает идея нового общественного договора, которая обсуждается в экспертной среде. Речь идет о согласии между государством и обществом относительно базовых принципов социального устройства, взаимных обязательствах и разделяемых ценностях. Подобный договор не обязательно должен иметь формально-правовой характер, но сам факт его наличия и следования его принципам способен стабилизировать современное российское общество.

Вышеизложенное позволяет прийти к некоторым выводам. Идеология как система ценностных ориентаций и представлений о желаемом будущем является неотъемлемым компонентом национальной безопасности государства. Отсутствие объединяющей идеологической платформы создает духовный вакуум, который неизбежно заполняется альтернативными идеологическими системами, нередко противоречащими национальным интересам государства.

Современная геополитическая ситуация, обострение цивилизационного конфликта между Россией и Западом, настоятельно требует выработки внятной мировоззренческой позиции, интегрированной в идеологию государства. Без ответа на вопросы: «Кто мы?», «Каково наше место в мире?», «Куда мы идем?» и др. невозможно эффективное развитие государства и мобилизация общества перед лицом экзистенциальных угроз. Опыт последних лет показывает, что в современной России сформировался запрос на мировоззренческую определенность, что требует ее теоретического осмысления.

Библиографический список:

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). – С. 159-175.
2. Ананченко А. Б. Образ будущего как конкретно-историческая, теоретическая и политико-прикладная проблема // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. – С.150-165.
3. Грамши А. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. Тюремные тетради. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1959. – 565 с.
4. Ильин В. А., Морев М. В. К чему приводит 30-летнее отсутствие государственной идеологии: «Большие и великие страны не создаются без больших, ведущих вперёд идей, а потеряв их, разваливаются с грохотом // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т.18. №4. URL: <https://sciup.org/14725157> (дата обращения 11.02.2026).
5. Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 1. – С. 148-161.
6. Караганов С. А. Зачем России нужна идеология для правящей элиты и почему от демократии пора отказаться. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/677446> (дата обращения 11.02.2026).
7. Маннгейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. 700 с.
8. Маркс К. К критике политической экономии // Собрание сочинений. 2-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1959. Т. 13. – С. 1-167.
9. Плоткин В. А. Роль православия в формировании российской национальной идеи // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 895–898.
10. Сирота Н.М. Идеологии в современном мире. Saarbrucken: Dictus Publishing, 2013. – 225 с.
11. Траси де А. Д. Элементы идеологии. Ч. 1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2013. № 8. – С. 146-154.
12. Шевченко О. М. Историческая память в консолидации российского общества: конструктивный и деструктивный потенциал // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. – С. 453- 456.
13. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. Роль политической элиты в обеспечении национальной безопасности государства: Россия vs Запад // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 5 (69). – С. 133-144.
14. Arendt H. *The origins of totalitarianism*. SanDiego, New York, London: A Harvest/HBJ Book, 1999. – 527 с.
15. Friedrich C. J. *Totalitarian dictatorship and autocracy* / By Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Brzezinski. Cambridge: Harvard univ. press, 1956. – 346 p.

References:

1. Al'tyusser L. Ideologiya i ideologicheskie apparaty` gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) // Neprikosnovenny`j zapas. 2011. № 3 (77). – S. 159-175.
2. Ananchenko A. B. Obraz budushhego kak konkretno-istoricheskaya, teoreticheskaya i politiko-prikladnaya problema // Lokus: lyudi, obshhestvo, kul'tury`, smy`sly`. 2023. T. 14. № 4. – S.150-165.
3. Gramshi A. Izbranny`e sochineniya: v 3 t. T. 3. Tyuremny`e tetradi. – M.: Izd-vo «Inostrannaya literatura», 1959. – 565 s.
4. Il'in V. A., Morev M. V. K chemu privodit 30-letnee otsutstvie gosudarstvennoj ideologii: «Bol'shie i velikie strany` ne sozdayutsya bez bol'shix, vedushhix vperyod idej, a poteryav ix, razvalivayutsya s groxotom // E`konomicheskie i social'ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz. 2025. T.18. №4. URL: <https://sciup.org/14725157> (data obrashheniya 11.02.2026).
5. Karavashkin A.V. Ivan Grozny`j i Andrej Kurbskij: konflikt interpretacij // Studia Litterarum. 2020. T. 5. № 1. – S. 148-161.
6. Karaganov S. A. Zachem Rossii nuzhna ideologiya dlya pravyashhej e`lity` i pochemu ot demokratii pora otkazat`sya. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/677446> (data obrashheniya 11.02.2026).
7. Mannejm K. Ideologiya i utopiya // Diagnost nashego vremeni. – M.: Yurist, 1994. 700 s.
8. Marks K. K kritike politicheskoy e`konomii // Sobranie sochinenij. 2-e izd. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury`, 1959. T. 13. – S. 1-167.
9. Plotkin V. A. Rol` pravoslaviya v formirovanii rossijskoj nacional`noj idei // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. S. 895–898.
10. Sirota N.M. Ideologii v sovremennom mire. Saarbrucken: Dictus Publishing, 2013. – 225 s.
11. Trasi de A. D. E`lementy` ideologii. Ch. 1. Ideologiya v sobstvennom smy`sle slova. Gl. 11. Razmyshleniya o predshestvuyushhem i o sposobe Kondil'yaka analizirovat` my`sli` // Voprosy` filosofii: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2013. № 8. – S. 146-154.
12. Shevchenko O. M. Istoricheskaya pamyat` v konsolidacii rossijskogo obshhestva: konstruktivny`j i destruktivny`j potencial // Global'ny`j konflikt i kontury` novogo mirovogo poryadka: XX Mezhdunarodny`e Lixachevskie nauchny`e chteniya, 9–10 iyunya 2022 g. Sankt-Peterburg: SPbGUP, 2022. – S. 453- 456.
13. Shevchenko O. M., Shtofer L. L. Rol` politicheskoy e`lity` v obespechenii nacional`noj bezopasnosti gosudarstva: Rossiya vs Zapad // Gumanitarnij Yuga Rossii. 2024. T. 13. № 5 (69). – S. 133-144.
14. Arendt H. The origins of totalitarianism. SanDiego, New York, London: A Harvest/HBJ Book, 1999. – 527 s.
15. Friedrich C. J. Totalitarian dictatorship and autocracy / By Carl J. Friedrich and Zbigniew K. Brzezinski. Cambridge: Harvard univ. press, 1956. – 346 r.

УДК 322

И. В. Ширкова

(кандидат философских наук, доцент)

Донской государственной технической университет

(г. Ростов-на-Дону, РФ)

Донецкий национальный университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского

(г. Донецк, Донецкая Народная республика, РФ)

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИИ

Аннотация. Политизация религии — явление многогранное и сложное, которое имеет глубокие исторические корни и современные проявления. Политическое использование религиозных прав человека и религиозных институтов способно приводить к серьезным последствиям как для верующих, так и для общества и государства, в том числе и утрате государственности. Рассмотрены случаи на примере государства, в котором ущемления и ограничения прав человека, а именно религиозных прав, привели к расколу в обществе и к изменению территориальных границ. В статье исследуются возможные риски политизации религии, в частности православия, и предлагаются мероприятия, направленные на формирование культуры уважения свободы совести каждого человека независимо от его убеждений.

Ключевые слова: политизация религии, свобода вероисповедания, свобода совести.

I.V. Shirkova

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Donetsk National University of Economics and Trade

named after Mikhail Tugan-Baranovsky

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

MODERN CHALLENGES OF POLITICIZATION OF RELIGION

Abstract. The politicization of religion is a multifaceted and complex phenomenon that has deep historical roots and modern manifestations. The political use of religious human rights and religious institutions can lead to serious consequences for believers, society and the State, including the loss of statehood. The cases are considered using the example of a state in which violations and restrictions of human rights, namely religious rights, led to a split in society and to a change in territorial borders. The article examines the possible risks of politicizing religion, in particular Orthodoxy, and suggests measures aimed at creating a culture of respect for the freedom of conscience of every person, regardless of their beliefs.

Key words: politicization of religion, freedom of religion, freedom of conscience

Православие является одной из крупнейших христианских конфессий мира, объединяя миллионы верующих преимущественно в странах Восточной Европы и некоторых регионах Азии. Православная церковь традиционно играла важную роль в жизни народов России, Украины, Беларуси и других стран постсоветского пространства. Однако в последнее время наблюдается усиление тенденции использования религиозных прав в интересах политических кампаний, политических партий или общественных движений и даже прямое вовлечение религиозных учреждений в вооруженные конфликты. Такие процессы неизбежно приводят к негативным последствиям как для самого православия, так и для всего общества.

Целью научного исследования является анализ опасностей, возникающих вследствие политизации религии, а также выработка рекомендаций по снижению риска подобного развития событий.

Исторически взаимодействие православной церкви и власти имело разные формы. В Византии, Киевской Руси и Московском царстве существовала концепция симфонии властей, согласно которой светская власть обеспечивала условия для существования церкви, а духовенство благословляло правление государей. Такая система была эффективной до тех пор, пока обе стороны соблюдали баланс между своими обязанностями и правами.

Понимание неизбежности существования религии предполагает ее интеграцию в публичную сферу и общественное обсуждение. Такой диалог становится возможным тогда, когда обе стороны – религиозные и нерелигиозные – понимают философские основы своей точки зрения и готовы к осмыслению собственных убеждений. Важно подчеркнуть, что сама площадка для такого взаимодействия должна сохранять светский характер [1].

Однако история показывает, что нарушение принципа автономности церкви часто приводило к кризисам. Например, попытка императора Константина VII Порфирородного навязать церкви свою волю привела к расколу внутри Константинопольской патриархии. Аналогичные ситуации возникали и в истории русской православной церкви, особенно во времена Ивана IV и Петра I, когда попытки подчинить церковь государству вызывали протесты среди части клира и мирян.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о том, что политизация православия создает предпосылки для конфликтов и кризиса доверия между государством и обществом.

Российская Федерация является одним из крупнейших полиэтнических государств мира, что определяет развитие на ее территории поликультурной среды. Обоснованности этому взгляду добавляет обращение к законодательству. Центральное место в правовом регулировании религиозных прав занимает Конституция Российской Федерации [2]: ст. 28 – свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не ис-

поведовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Важным гарантом свободы совести и свободы вероисповедания граждан, проживающих на территории Российской Федерации, является ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3], который провозглашает, что Российская Федерация является светским государством, признает особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважает христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, и считает важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания, поскольку одним из общесоциальных по генезису и существованию прав человека является свобода вероисповедания.

Именно нерешенность проблемы прав человека в сфере вероисповедания явилась одним из факторов раскола Украины [4]. Географическое положение между Востоком и Западом, пребывание разных ее территорий в составе тех или иных империй, государств обусловили конфессиональное многообразие социума. Эти факторы нередко вызывали проявления нетерпимости на национальной и религиозной почве, церковные расколы дестабилизировали состояние украинского общества. Однако главным инструментом раскола общества можно считать политизацию религии и закрепление на законодательном уровне норм, ограничивающих и ущемляющих право на свободу совести и вероисповедания. В частности, властным предписанием были установлены процедуры изменения подчиненности в канонических и организационных вопросах религиозных центров и свободное изменение этой подчиненности путем внесения соответствующих изменений и дополнений в устав религиозной общины. На основании этого неправомерного и неконституционного действия был получен томос на предоставление автокефалии Православной церкви в Украине в 2019 году. С 2014 года обострилась ситуация вокруг храмов Украинской Православной Церкви, участились случаи вандализма и рейдерских захватов культовых сооружений УПЦ [5]. При этом представители органов государственной власти, предлагали свое сотрудничество за передачу культовых сооружений в собственность УПЦ КП.

Участие церкви в политике усиливает поляризацию общества, разделяя население на сторонников и противников конкретных взглядов. Это негативно сказывается на социальной стабильности, способствует росту радикальных настроений и увеличивает риск возникновения социальных конфликтов.

Использование религиозных символов и авторитетов для достижения политических целей размывает границы между церковью и властью, вызывая сомнения в независимости и объективности действий пастырей. В результате снижается уровень доверия населения к религиозной организации, уменьшается количество приверженцев традиционного вероисповедания.

Приоритет политических целей над религиозными ценностями ведет к утрате основного предназначения православной церкви – духовного наставничества и служения людям. Когда священники начинают активно заниматься политикой, это снижает доверие прихожан к институту церкви, воспринимается как инструмент манипулирования сознанием масс.

Участие церкви в политике усиливает поляризацию общества, разделяя население на сторонников и противников конкретных взглядов. Это негативно сказывается на социальной стабильности, способствует росту радикальных настроений и увеличивает риск возникновения социальных конфликтов.

Учитывая вышеуказанные негативные факторы, а также с целью укрепления взаимодействия между церковью, обществом и государством, формирование культуры уважения свободы совести каждого гражданина независимо от его убеждений, необходимо следующее:

- усилить воспитательные функции образования, направленные на популяризацию традиционных ценностей и культурного наследия, информирования граждан о принимаемых решениях, касающихся вопросов сотрудничества с религиозными организациями;

- обеспечить информирование граждан о принимаемых решениях, касающихся вопросов сотрудничества с религиозными организациями, а также разработку четких процедур согласования совместных проектов с участием представителей разных конфессий;

- создать условия для независимости церкви и политики, защитить свободу совести каждого гражданина и предотвратить возникновение конфликтных ситуаций, вызванных злоупотреблениями властью.

Для достижения баланса в поликультурной среде необходимо, прежде всего, предоставление государством равных возможностей развития и сохранения существующих религиозных меньшинств, их взаимопонимания и взаимообогащения. При этом не стоит забывать, что православная вера оказала глубокое влияние на становление русской идентичности, и признание православия как фундамента русской культуры остается обоснованным и справедливым. Попытки отвергнуть эту связь или найти другую религиозную основу для национальной культуры говорят об ослаблении русской идентичности, а в крайних случаях – об ее утрате [6].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Религия в течение всей истории человечества была важным элементом жизнедеятельности человеческих сообществ. Поэтому религиозную свободу и религиозные права относят к числу наиболее значимых факторов, которые влияют на отношения между такими общественными институтами, как государство и церковь. А значит, обеспечение гармонизации национального законодательства с общепризнанными правами человека, в частности с правом на свободу мировоззрения, со-

вести и вероисповедания; выполнение предписываемых законодательных норм в сфере религии всеми участниками отношений независимо от принадлежности к органам государственной власти; предоставление реальной возможности реализации прав человека, закрепленных в международном и национальном законодательстве – это основные задачи для сохранения целостности многонационального государства, состоящего из различных этнических и религиозных сообществ.

Библиографический список:

1. Хабермас, Ю. Постсекулярное общество – что это? // Российская философская газета, – 2008. – № 4 (18). – С. 1-3.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / КонсультантПлюс // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2026 // – Режим доступа:
 1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmgp3f21ev481461245 (дата обращения: 11.03.2026)
 2. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный Закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс // Электрон. текстовые и граф. дан. Москва, 2026 // – Режим доступа
 3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/?ysclid=mmgog0yptf956901063 (дата обращения: 11.03.2026)
 4. Ширкова И. В. Общественно-религиозные отношения в Украине: философский аспект проблемы // Научный потенциал. – 2013. – № 4(13). – С. 15-20. – EDN PUZWKQ.
 5. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека в «Докладе о ситуации с правами человека в Украине 16 февраля – 15 мая 2019 года» [Электронный ресурс] // Доклады УВКПЧ. – Электрон. текстовые дан. – 2026. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/documents/country-reports/report-human-rights-situation-ukraine-16-august-15-november-2019>. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.03.2026)
 6. Декларация русской идентичности от 11 ноября 2014 г. // Русская православная церковь Электрон. текстовые дан. – 2026. – Режим доступа: <https://www.patriarchia.ru/article/96011>. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.03.2026)

References:

1. Habermas, Yu. Postsekulyarnoe obshchestvo — chto eto? // Rossijskaya filosofskaya gazeta, – 2008. – № 4 (18). – S. 1–3.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) / Konsul'tantPlyus // Elektron. tekstovye i graf. dan. Moskva, 2026 // – Rezhim dostupa:
 1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mmgp3f21ev481461245 (data obrashcheniya: 11.03.2026)

2. O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah. Federal'nyj zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (poslednyaya redakciya) / Konsul'tantPlyus // Elektron. tekstovye i graf. dan. Moskva, 2026 // – Rezhim dostupa
3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/?ysclid=mmgog0yptf956901063 (data obrashcheniya: 11.03.2026)
4. Shirikova, I. V. Obshchestvenno-religioznye otnosheniya v Ukraine: filosofskij aspekt problemy // Nauchnyj potencial. – 2013. – № 4(13). – S. 15–20. – EDN PUZWKQ.
5. Upravlenie Verhovnogo komissara Organizacii Ob"edinennyh Nacij po pravam cheloveka v «Doklade o situacii s pravami cheloveka v Ukraine 16 fevralya – 15 maya 2019 goda» [Elektronnyj resurs] // Doklady UVKPCh. – Elektron. tekstovye dan. – 2019. – Rezhim dostupa: <https://www.ohchr.org/ru/documents/country-reports/report-human-rights-situation-ukraine-16-august-15-november-2019>. – Zagl. s ekrana (data obrashcheniya: 11.03.2026)
6. Deklaraciya russkoj identichnosti ot 11 noyabrya 2014 g. // Russkaya pravoslavnaya cerkov' Elektron. tekstovye dan. – 2026. – Rezhim dostupa: <https://www.patriarchia.ru/article/96011>. – Zagl. s ekrana (data obrashcheniya: 11.03.2026)

Теория и история культуры, искусства

УДК 279.9

В. Д. Черных

(кандидат исторических наук, доцент)

Воронежский государственный университет инженерных технологий
(г. Воронеж, РФ)

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ ПАЛЕСТИНЫ

***Аннотация:** В данной статье рассматривается зарождение христианства среди еврейского народа в Палестине, особенности жизни первых общин (в т. ч. роль женщин и принцип взаимопомощи), их трансформация после римских восстаний и последующее распространение учения среди разных народов Римской империи благодаря проповеди апостолов. Анализируется жизнь первых общин в Иерусалиме I века, их связь с традициями древнего Израиля и эволюция учения. Освещаются последствия римских войн и роль апостола Павла в распространении веры среди неевреев.*

***Ключевые слова:** раннее христианство, Палестина, апостолы, евангельская община, апостол Павел.*

V. D. Chernykh

(Candidate of Historical Sciences, Associate Professor)

Voronezh State University of Engineering Technologies
(Voronezh, Russian Federation)

FEATURES OF LIFE AND SOCIAL STATUS OF THE EARLY CHRISTIAN COMMUNITY IN PALESTINE

***Abstract.** This article examines the emergence of Christianity among the Jewish people in Palestine, the features of life in the first communities (including the role of women and the principle of mutual assistance), their transformation after the Roman uprisings, and the subsequent spread of the teachings among various peoples of the Roman Empire through the preaching of the apostles. The article analyzes the life of the first communities in 1st-century Jerusalem, their connection to the traditions of ancient Israel, and the evolution of the teachings. The consequences of the Roman wars and the role of the Apostle Paul in spreading the faith among non-Jews are highlighted.*

***Keywords:** early Christianity, Palestine, apostles, evangelical community, Apostle Paul.*

Христианство зародилось в условиях глубокой социальной и религиозной трансформации еврейского народа, проживавшего преимущественно в регионе Иудеи и Галилеи. Первые христианские общины стали своеобразным продолжением и развитием традиций древнего Израиля, одновременно испытывая влияние культурных контактов с греко-римским миром. Согласно синоптическим Евангелиям, деятельность Иисуса протекала главным образом в Галилее. Галилейское происхождение его отразилось и в том, что последние слова на кресте Иисус произносит не по-гречески и не по-еврейски, а на арамейско-галилейском диалекте [8, с. 59]. Первая община последователей Иисуса Христа возникла сразу же после Его смерти и воскресения, примерно в середине I века н. э., и быстро распространилась среди населения Палестины.

Исследователи происхождения и первоначальной истории христианства считают, что корни многих христианских верований находятся в вероучительных текстах кумранитов [8, с. 56]. Однако объяснить проблему преобразования небольшой общины последователей Христа в одну из мировых религий только заимствованием текстов, правил и обрядов из кумранских общин невозможно.

Христианская вера появилась в результате радикального переосмысления ветхозаветных представлений о мессианстве и Божьем замысле спасения человечества. В первые десятилетия существования первых общин Палестины ранние верующие были почти исключительно евреями, многие из которых сохраняли приверженность традиционному образу жизни, соблюдая заповеди Торы и участвуя в ритуалах синагогальной жизни. Тем не менее, обращение к учению Христа стало важнейшим фактором, определяющим новое самосознание членов общины.

Жизнь первых христианских общин протекала в сложных социальных и политических обстоятельствах, характеризовавшихся высоким уровнем напряжения внутри еврейского общества. Под влиянием римского правления большинство жителей Палестины испытывали экономическое давление и чувство несправедливости, особенно ощущаемое беднейшими слоями населения.

Община первоначально создалась вокруг двенадцати апостолов и состояла из благочестивых иудеев, для которых сознание того, что Иисус был Мессией и что он вскоре придет вторично, чтобы воздвигнуть Царство Божие (Деян. 3, 21) было незыблемым. Лидеры в общинах выделялись благодаря харизматическим данным [4, с.360]. Ядро первоначальной общины находилось в Иерусалиме [2, с. 221]. Согласно христианским источникам, в Иерусалиме остался сын Иосифа от первого брака – Иаков. Он стал первым епископом Иерусалимской общины и в 62 году казнен (приговорен к побитию камнями). Протестантский исследователь Э. Добшюц считает, что ученики Иисуса исполняли поначалу обычные заповеди Закона, но более строго и принципиально [3, с. 477]. Община носила семейный характер и, тесно

сплоченная изнутри, до известной степени отделяла себя от внешнего мира. Происходившие регулярно собрания заканчивались общими трапезами, причем, замечает Добшоц, целью трапез была помощь бедным [3, с. 478]. Христос был Господом не только для «богоизбранного» народа, но и для всего человечества. Хотя преимущественно община состояла из небогатых членов общества, нельзя не сказать о том, что среди первых христиан была прослойка зажиточного населения. Примерами может служить упоминание Марии, матери Марка, которая имела в Иерусалиме благоустроенный дом и слуг (Деян. 12, 12).

Особенностью палестинской общины являлось активное участие женщин в жизни Церкви. Несмотря на патриархальные устои традиционного общества, христианство подчеркивало важность роли женщин в духовном развитии верующих. Среди известных примеров можно выделить Марию Магдалину, считающуюся первой свидетельницей Воскресения Христа, и Лидию, купца пурпурных тканей, ставшую одной из основательниц христовой общины в Филиппах. Несмотря на то, что в большинстве случаев женщины играли вспомогательную роль, помогая организовать собрания и поддерживая нуждающихся братьев и сестёр, всё же отдельные фигуры приобрели значительное уважение и признание среди единомыслителей. Женщины участвовали в проповеди Евангелия, помогали новообращённым в духовной практике и принимали непосредственное участие в евхаристической службе.

Ранняя организация христианских общин имела ряд особенностей, они были децентрализованы и основывались на принципах равенства всех членов перед Богом независимо от социального статуса, пола или этнического происхождения. Особое внимание уделялось взаимопомощи и заботе друг о друге. Например, согласно Новому Завету, раннехристианские общины регулярно собирались вместе для совместной молитвы, трапезы и совместного изучения Писания. Эти собрания носили скорее интимный характер семейных встреч, нежели формальных богослужений, и часто проходили в частных домах,

Иерусалимская община, хотя и была образована первой, просуществовала относительно недолго. На это имелись особые исторические причины. В 66 году обострились отношения между римлянами и иудеями. Причиной послужили события в Кесарии, где иудеи были отстранены от участия в городском самоуправлении, что привело к столкновениям с эллинистической частью населения [5, с.400]. В Иудее вспыхнуло восстание. Отряды римлян, стоявшие в городах, были разбиты и для подавления бунта было отправлено сильное войско под командованием Веспасиана. Когда полководец подошел к Иерусалиму, подоспела весть, что легионы провозгласили его новым императором. Веспасиан поспешил обратно в Рим, предоставив командование своему сыну Титу. Мятежники заперлись в храме, считая его неприступным, однако Тит смог поджечь здание и Иерусалим пал. Римляне сурово расправились с мятежниками. Огромное количество их было продано в раб-

ство и выселено из страны. Храм и город были разрушены [1, с. 202-203]. Во время восстания палестинские христиане, согласно преданию, переселились за Иордан. Не исключено, что часть христиан этой общины принимала участие в Иудейской войне, особенно быстро христианство стало распространяться именно после иудейского восстания [8, с. 49]. В 122 году император Адриан повелел отстроить Иерусалим. Евреи, оскорбленные тем, что восстановление города и ремонт храма делались римлянами («язычниками»), отнюдь не приветствовали эти новшества [6, с. 21]. Напротив, христиане сразу же вернулись в город, как только он стал обитаем. Однако в 132-133 гг. в Палестине вспыхнул новый мятеж. Причины историки называют различные, например, восстание могло быть вызвано попыткой построить город и храм руками римских строителей [5, с. 400]. Тацит основную причину видел в вымогательствах и притеснениях со стороны прокуратора Гессия Флора [9, с. 194]. Известно, что палестинские христиане поначалу примкнули к антиримскому восстанию, вспыхнувшему в 132 г. в Палестине. Они отошли от восстания, когда его руководитель Бар-Кохба провозгласил себя Мессией. Императору пришлось стянуть в Палестину войска со всей империи, но только в 135 г. римлянам удалось подавить это восстание. В этот раз было решено искоренить все, что напоминало бы о прежнем городе. Сожгли до тысячи иудейских селений. На месте Иерусалима выстроили новый город, населив его чужестранцами и назвали Капитолиной в честь Юпитера Капитолийского. Евреям под страхом смерти было запрещено ступать на землю Палестины. После поражения антиримского восстания в Иудее, среди пленных и проданных в рабство оказывались христиане, которые начинали проповедь там, куда заносила их судьба. Часть учеников Иисуса вернулись к границам Сирии и начали проповедь в самой Сирии. Именно в Антиохии, согласно книге Деяний (11, 26); родилось и название «христиане». В начале II в. христиане появляются в городах Малой Азии, оттуда же проповедники новой религии отправлялись в другие области [7, с.48]. Довольно рано они появились в Египте, где было много иудеев, особенно в Александрии. Об этом пишет и Э. Ренан: «во времена Адриана в Египте существовала группа монотеистов, которая считала Иисуса Мессией» [6, с. 18] Но большее распространение вначале христианские общины получили в Малой Азии и Сирии [7, с. 75].

Анализ имен в посланиях Павла показывает, что в первых христианских общинах, которыми эти послания адресованы, преобладали греки или эллинизированные иудеи (Срав. Деян. 18, 2). По – видимому, среди неиудеев, принявших христианство, были люди, происходившие от смешанных браков, переселенцы, не связанные корнями с тем городом, где они жили, выходцы из местного негреческого населения Малой Азии (галаты, ликаонцы, фригийцы). Однако, судить об этническом составе первых христианских групп только по именам, упомянутым в Деяниях апостолов или посланиях Павла, конечно, нельзя. Там упомянуты, главным об-

разом, люди, связанные с окружением Павла, которые в основном ориентировались на проповедь среди иудеев. Возможность привлечения к христианству иудеев была заложена уже в первых рассказах об учении и деятельности Христа, о которых говорилось выше. Еще более четко это прозвучало у Павла: «Нет уже ни иудея, ни язычника...» (Гал. 3, 28; ср. Рим. 10, 12, Еф. 3, 6). Однако в начале формирования христианских общин в восточных провинциях, в этих общинах все же преобладали христиане из иудеев. От себя добавим, что именно позиция апостола Павла, направленная на привлечение к христианству иудеев, заложила основы для стремительного распространения христианства на территории всей Римской империи. Количественный состав первых христианских групп был, вероятно, очень непостоянным. Кроме основного ядра преданных новому учению людей, в него входили и люди, сочувствующие новым идеям. Были и такие, кто увлекался, но впоследствии отходил от христианства (например, Димас; см. 2 Тим. 4, 10).

Рассмотрим теперь социальный состав первых христианских общин. Важной особенностью христианской проповеди было обращение, прежде всего, к социальным низам. В религии рабы и угнетенные искали оправдание своим социально – политическим требованиям. Однако, универсальность новой религии проявилась в том, что вскоре после зарождения христианства, к нему примкнули наряду с элементами из социальных низов и представители состоятельных кругов в Римской империи. Причем во II веке они приобрели большое влияние в общинах. Дело в том, что эта религия обращалась ко всем независимо от звания, чина, титула, знатности, богатства, национальности и возраста. Для вступления требовалось лишь вера в Иисуса Христа, как своего Спасителя, и проявление решимости делать добро всем людям. Христианство изначально ориентировалось не на какой – нибудь избранный народ, группу или класс, а на весь род человеческий, проповедуя равенство во грехе, искушении и воздаянии. Даже к самым отъявленным грешникам Христос обращается как врач и целитель к больным людям (Мф. 9, 11 – 13).

Отметим также, что община в Палестине состояла из свободных людей. Предание о первых учениках Христа рисует их бедняками из свободных (или представителями из презираемых профессий, например, Матфей - сборщик налогов). Только после разгрома восстания в конце I века, множество иудеев были проданы в рабство. Они жили и работали рядом с другими рабами. Те из них, кому было знакомо христианство рассказывали о нем своим товарищам, и последние зачастую воспринимали новое учение. Примером и доказательством этого могут служить упоминание рабских имен и кличек в раннехристианской литературе (в послании к Римлянам – явно рабское прозвище Филолог (Рим. 16, 15)).

Таким образом, раннехристианская община Палестины представляла собой уникальное явление, которое оказало огромное влияние на развитие религии и культуры последующих эпох. Община была построена на принципе любви и взаимовыручки, сохраняя тесную связь с традициями еврейского народа, но открываясь

новым возможностям распространения своей веры среди языческих народов. Гонимые и преследуемые, христиане продолжали жить верой и надеждой, стремясь исполнить волю своего Учителя, передавшего им великую миссию нести свет истины всему миру.

Библиографический список:

1. Виппер, Р. Ю. Очерки истории Римской империи (окончание). Рим и раннее христианство. Избранное сочинение в II томах. Том 2. - Ростов н/Д.: «Феникс», 1995. – 478 с.
2. Гарнак А. Сущность христианства // Раннее христианство: В 2-х т. Т. 1. – М.: АСТ. 2001. – 232 с.
3. Добшюц Э. Древнейшие христианские общины. // Раннее христианство: В 2-х т. Т. 1 - М.: АСТ. 2001. – 628 с.
4. Довженко Ю.С. История античного христианства в свете смены ведущих типов христианской элиты // Античный мир. Проблемы истории и культуры : сборник научных статей. - СПб.: из-во СПбГУ. 1998. – 457 с.
5. Машкин Н. А. История Древнего Рима. – М.: 1956. – 603 с.
6. Ренан Э. Христианская церковь. Царствование Андриана и Антонина Благочестивого 117 – 162 гг. / Пер. с франц. Обручева В. А. - Ярославль. Изд-во центр «ТЕРРА». 1991. – 305 с.
7. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Политиздат, 1987 – 336 с.
8. Свенцицкая И. С. Тайные писания первых христиан. – М.: Политиздат. 1981. – 288 с.
9. Тацит К. История в 2 т. Т.2. - Л.: Наука. 1969. – 369 с.

References:

1. Vipper, R. Yu. Ocherki istorii Rimskoj imperii (okonchanie). Rim i rannee xristianstvo. Izbrannoe sochinenie v II tomax. Tom 2. - Rostov n/D.: «Feniks», 1995. – 478 s.
2. Garnak A. Sushhnost` xristianstva //Ranee xristianstvo: V 2-x t. T. 1. – M.: AST. 2001. – 232 s.
3. Dobshyucz E`. Drevnejshie xristianskie obshhiny`. // Rannee xristianstvo: V 2-x t. T. 1 - M.: AST. 2001. – 628 s.
4. Dovzhenko Yu.S. Istoriya antichnogo xristianstva v svete smeny` vedushhix tipov xristianskoj e`lity` // Antichny`j mir. Problemy` istorii i kul`tury` : sbornik nauchny`x statej. - SPb.: iz-vo SPBGU. 1998. – 457 s.
5. Mashkin N. A. Istoriya Drevnego Rima. – M.: 1956. – 603 s.
6. Renan E`. Xristianskaya cerkov`. Czarstvovanie Andriana i Antonina Blagochestivogo 117 – 162 gg. / Per. s francz. Obrucheva V. A. - Yaroslavl`. Izd-vo centr «TERRA». 1991. – 305 s.
7. Svenciczkaaya I. S. Rannee xristianstvo: stranicu istorii. – M.: Politizdat, 1987 – 336 s.
8. Svenciczkaaya I. S. Tajny`e pisaniya pervy`x xristian. – M.: Politizdat. 1981. – 288 s.
9. Tacit K. Istoriya v 2 t. T.2. - L.: Nauka. 1969. – 369 s.

Требования к оформлению статей

Оформление научной статьи включает следующие обязательные элементы:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Его помещают перед сведениями об авторах и названием статьи отдельной строкой, слева.

2. Сведения об авторах. Сведения об авторах включают в себя:

- имя автора (инициалы и фамилия) выделяется жирным шрифтом по центру (в статьях, написанных несколькими авторами, их имена приводят в последовательности, принятой самими авторами);
- наименование учреждения или организации, включая место их нахождения, указываются следующей отдельной строкой по центру;
- адрес электронной почты – по центру;
- название статьи пишется по центру, без знаков переноса, жирным шрифтом, заглавными буквами.

3. Аннотация и ключевые слова. Аннотации и ключевые слова пишутся курсивом и приводятся на двух языках (на русском и английском).

Аннотацию и ключевые слова на языке публикуемого материала помещают перед текстом публикуемого материала. Ключевые слова (примерно 10-12 слов) размещают отдельной строкой непосредственно после аннотации.

Аннотацию (с ключевыми словами) на английском языке помещают после текста статьи и библиографического списка. Рекомендуемый объем аннотации – не более 600-700 печатных знаков (приблизительно 8-10 строк).

4. Названия основных элементов текста статьи (постановка проблемы с кратким обоснованием её актуальности; анализ последних исследований и публикаций; постановка задач исследования; изложение основного материала; результаты и выводы с указанием направлений дальнейших исследований) рекомендуется выделять полиграфическими средствами (например, курсивом). При этом подчёркиваем, что данное условие носит всего лишь *рекомендательный характер*, не более.

5. Пристатейный библиографический список. Библиографический список помещают непосредственно после текста публикуемого материала. Библиографический список оформляется в *алфавитном порядке* и нумеруется. В библиографическом списке приводится только цитируемая (используемая) в статье литература. После **Библиографического списка** на русском языке располагается **References**. На латинский шрифт необходимые данные переводятся через систему транслитерации.

6. Объём публикаций:

- общий объём статьи может варьироваться от 10 до 12 страниц, включая библиографический список и аннотации;
- в случае если материал носит проблемный или обзорный характер, по решению редколлегии объём может быть увеличен до 20-24 страниц;
- рецензии на книги – от 3-х до 5 страниц;
- научная хроника – до 3-х страниц;

NB: В связи с включением журнала в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования) статьи проверяются на плагиат. Работы, в которых количество заимствований превышает 30 %, не публикуются.

**Статьи и другие материалы высылать
главному редактору журнала по адресу:
tatyana.ragozina@list.ru**

Полиграфические требования к статьям:

Текстовый редактор – Microsoft Word.

Статья должна быть представлена на русском (или английском) языке в бумажном и электронном вариантах.

Формат – А 4.

Поля зеркальные: внутри – 2,5, снаружи – 2 см; верхнее и нижнее - 2 см.

Шрифт – Times New Roman.

Размер шрифта – 14.

Межстрочный интервал – 1,5.

Абзацный отступ – 1 см.

Ориентация – книжная, без простановки страниц, без переносов.

Графики, таблицы и рисунки – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Текст статьи – выравнивание по ширине.

Фамилии и инициалы авторов пишутся РАЗДЕЛЬНО – М. В. Ломоносов (в статье), Петров С. Н. (в списке литературы).

Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы по следующему образцу: [1, с. 195], [3, с. 20; 7, с. 68], [4].

ОБРАЗЕЦ
ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика - РФ)

E-mail: nragozin@inbox.ru

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...

Библиографический список:

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
4. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
5. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.

References:

1. Behkon F. Novyj Organon // Behkon F. Soch. v 2-kh tt. T. 2. Sost., obshchaya red. A.L. Subbotina. – M.: Nauka, 1978, S. 5-222.
2. Shackij E. Utopiya i tradiciya: Per. s pol'skogo / Obshch. red. i poslesl. V. A. Chalikovej. – M.: Progress, 1990. – 456 s.
3. Mejneke F. Vozniknovenie istorizma / Per. s nem. – M.: ROSSPEHN, 2004. – 480 s.
4. Marks K. Filosofskij manifest istoricheskoy shkoly prava // Marks K., Ehngel's F. Soch., 2-e izd. – M.: Politizdat, 1955, T.1. – S. 85-92.
5. Tradicii i innovacii v sovremennoj Rossii. Sociologicheskij analiz vzaimodejstviya i dinamiki / Pod redakciej A. B. Gofmana. – M.: ROSSPEHN, 2008. – 543 s.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISSN 2522-9788